Ю. М. Иванов

ПОЧЕМУ НАША РЕВОЛЮЦИЯ СТАЛА ПРО́КЛЯТОЙ

Москва
2011

УДК 341.7
ББК 63.3(Рос=Рус)
И39

Ю. М. Иванов.
И39 Почему наша революция стала проклятой / Ю. М. Иванов.
– Москва : Е. В. Карпов. 2011. – 84 с.

ISBN 978-5-9598-0145-8

Иванов Юрий Михайлович – выпускник философского факультета МГУ 1952-го года. Кандидат экономических наук, доктор исторических наук.

Оригинал-макет разработан автором.

ISBN 978-5-9598-0145-8

В 1874 г., когда еще не было большевиков и меньшевиков, когда еще не было эсеров, Энгельс с изумительной точностью предсказал начало русской революции высшими классами столицы. В работе «О социальном вопросе в России» он писал: «Россия, несомненно, находится накануне революции. Финансы расстроены до последней степени. Налоговые тиски отказываются служить, проценты по старым государственным долгам уплачиваются путем новых займов. Все сельскохозяйственное производство – наиболее важное для России – приведено в полный беспорядок выкупом 1861 г.; ... Здесь сочетаются все условия революции; эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса».[1] Предсказание сбылось.

Отстаивавший самодержавную власть Николай II был вынужден в конце 1912 г. созвать IV Государственную Думу, чтобы она утвердила получение французских кредитов. Кредиты были утверждены. Но одновременно Дума потребовала введения всеобщего избирательного права с полноправным народным представительством, а также свободы союзов и печати. Иначе говоря, Дума добивалась установления в стране республиканского строя.

Царь игнорировал требования думского большинства. Однако уже в начале 1915 г. выявилась полная неподготовленность России к войне в техническом отношении и беспомощность военного ведомства решать связанные с этим

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс соч. т. XV. Социальные отношения в России. С. 264.

вопросы. Вопреки воле царя Дума объявила о начале своей бессрочной сессии. Лозунгом ее «высших классов» стало «единение с правительством, которому доверяет блок кадетского большинства».

Но события разворачивались стремительно. 23 февраля 1917 г. начались волнения в Петрограде. Забастовали 90 тыс. рабочих. Они вышли на улицы с красными флагами и лозунгами «Долой самодержавие», «хлеба», «долой войну»; солдаты зачастую отказывались разгонять демонстрантов. На площадях шли непрерывные митинги. 26 февраля рота Павловского полка открыла огонь по солдатам, разгонявшим демонстрацию. На следующий день восстал батальон Волынского полка: солдаты убили верных присяге царю офицеров и вышли с оружием из казарм. К восставшим присоединились элитные полки лейб-гвардии и казачьи части. На улицах избивали городовых, демонстранты братались с солдатами.[1]

2 марта 1917 г. Николай II был вынужден подписать манифест об отречении от престола от своего имени и от имени наследника Алексея. Революция бескровно избавила страну от самодержавия. Кадеты и примкнувшие к ним в Думе представители других партий и организаций осуществили революционный переворот вместе с правительством. Отныне царь, как гражданин, имел лишь республиканские права и обязанности.

Суть гражданских прав изложил 27 февраля 1917 г. Временный исполнительный комитет Государственной Думы. Среди них указывалось: проведение полной и немедленной амнистии участникам всех политических и религиозных выступлений, в том числе участвовавшим в террористических покушениях, военных восстаниях и аграрных преступлениях; ликвидация запрещений свободы слова, печати, союзов, собраний и стачек; отмена всех сословных и национальных ограничений; созыв Учредительного собрания путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; выборы в органы местного самоуправления; отказ от разоружения и вывода из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении; при строгой дисциплине в строю и при несении военной службы устранить для солдат все ограничения в

[1] См. Кандель Ф. Книга времен и событий. 3. История евреев Советского Союза (1917-1939). Иерусалим-Москва, 2002. С. 11.

пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам.

Решение этих задач на деле означало отказ от преследований борцов против самодержавия, проведение выборов всех органов власти, подчинение армии и милиции народным избранникам. В результате Россия после Февральской революции стала в ряд с передовыми демократическими державами. Эти вести по телеграфу стремительно распространялись по стране. Повсюду проходили митинги и торжественные шествия с красными флагами. После стремительной и бескровной смены власти в провинции наступили дни «буйные восторга».[1] Для защиты республики партии и организации повсеместно объединялись в Советы, поддерживавшие политику Временного правительства.

Зачинателем поддержки Временного правительства стал Совет рабочих депутатов Петрограда, учредивший Временный исполнительный комитет. «Председателем исполкома был избран Н. С. Чхеидзе (меньшевик), товарищами председателя – А. Ф. Керенский (трудовик), и М. И. Скобелев (меньшевик). Временный исполком спешно выпустил воззвание о проведении выборов в Совет рабочих депутатов».[2]

На первом же заседании Совета было менее 40 представителей фабрик и заводов. Общее количество объявивших себя депутатами не превышало 125-150 чел.[3] Они объединяли всех готовых в центре и на местах отстаивать политику Временного правительства. В дальнейшем число депутатов неуклонно увеличивалось за счет представителей партий и организаций, а также армии и Всероссийского совета крестьянских депутатов, выражавшего интересы заинтересованной в хлебной торговле с Германией имущей части деревни. Крестьянские депутаты были кровно заинтересованы в прекращении войны.[4]

Подобно тому, как государственный строй России благодаря Февральской революции мгновенно избавился от последних следов феодального прошлого, то же самое произошло и в аграрной сфере. Еще при Столыпине площадь помещичьего землевладения резко сократилась. Из-за крестьянских погромов помещики распродавали земли банку и непосредственно зажиточным крестьянам. В Симбирской губернии доля таких

[1] См. Там же. С. 13.
[2] Лейберов И. П., Рудаченко С.. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 94.
[3] Там же.
[4] См. Ленин В. И. Съезд крестьянских депутатов. Т. 31. С. 272.

земель составила 33,2%, в Саратовской – 32,6%. Пензенской – 28,8%, Самарской – 26,5% и т. д.[1] Порожденные реформой Столыпина частнособственнические отношения подобно коррозии стремительно разъедали арендные отношения крестьян с помещиками. С 1907 г. по 1915 г. (в 1915 г. в связи с массовыми протестами семей, мобилизованных в армию, проводившийся по мужским душам передел общинных земель был приостановлен) 1,2 млн. крестьянских дворов продали 3 млн. десятин[2], т. е. в среднем 2,6 десятины на двор. По оценке проф. Огановского накануне Февральской революции в землепользовании крестьян имелось 138 млн. десятин надельных земель, 27 млн. десятин купчих и 35 млн. десятин земли, арендованной у различных лиц. В связи с отречением от престола царя надельные земли в мгновение ока стали собственностью крестьян. Одновременно крестьянскими комитетами была ликвидирована ростовщическая аренда земель, принадлежавших крупным землевладельцам.[3] Республиканская Россия на деле осуществила передачу земли тем, кто ее обрабатывает.

Подлинной проблемой в стране были не феодальные пережитки, а продовольственный кризис. Цены на продовольствие в стране стремительно росли. Армии доставалась лишь половина продовольственной нормы. Численность мобилизованных для военных нужд выросла с 1,37 млн. в 1913 г. до 15 млн. чел. Они превысили число горожан европейской части России. Громадные пшеничные запасы Сибири оказались от нее отрезанными отчасти из-за высоких железнодорожных тарифов, отчасти из-за перегруженности дорог военными перевозками. При протяженности железнодорожной сети в 43 тыс. верст имелось всего 11 тыс. паровозов. Их максимальная скорость не превышала 20 км/ч.

Рост цен на продовольствие в свою очередь потребовал увеличения денежных расходов. «Выпуск бумажных денег, - говорил министр финансов Временного правительства, - идет с ужасной быстротой, а вместе с этим растут цены на все товары. За два последних года до революции было выпущено восемь миллиардов рублей, а за три ее месяца четыре миллиарда». В Петрограде и Москве были введены карточки на хлеб, сахар,

[1] Прокопович С. Аграрный кризис и мероприятия правительства. М., 1912. С. 140.

[2] Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны. Июль 1914 г.- февраль 1917 г. М.-Л., 1965. С. 7.

[3] Югов А. Народное хозяйство Советской России ... С. 63.

крупу и жиры. Поступление хлебных грузов в Петроград упало в мае с 68,4 вагонов до 34,7, и 15,4 вагонов в июле. То же самое было в Москве: 85,5 вагонов в мае, 45,3 – в июне, 19,3 в июле. Зато в коммерческих магазинах для тех, кто имел много денег, не было недостатка в деликатесах и предметах роскоши[1]

«Не получая продовольствия от государства, - пишет П. Милюков, - армия и города стали сами заботиться о себе. Сперва отдельные фронты, потом отдельные армии, корпуса и даже полки стали посылать делегации для закупки хлеба в хлебородные губернии. Их примеру последовали города в лице своих управ, потребительных и иных обществ и, наконец, отдельных обывателей. Все эти категории не считались с твердыми ценами и взвинчивали цену зерна».[2]

Бедственное положение усугублялось еще и тем, что война подорвала и без того скудный товарообмен между городом и деревней. Мобилизация промышленного производства для военных нужд породила, несмотря на ограниченность сельского спроса, страшный дефицит таких товаров как ситец, нитки, керосин, спички, сахар и т. д. Цены на них настолько выросли, что продавать хлеб для их покупки стало невыгодно. Жены мобилизованных все чаще громили лавки, силой забирая товары и избивая их владельцев. Они же призывали мужей скорее возвращаться в деревню, чтобы участвовать в дележе земель. Стихийная демобилизация вооруженных солдат, стремительно нарастала.

«Посланные с тыла на фронт солдаты, - пишет, П. Милюков, - разбегались, и до места доходил почти один только список дезертиров. А на встречу им шел громадный поток беглецов с фронта, совершенно перегрузивший железные дороги. Спеша домой к «разделу» (солдаткам выделяли худшие земли), солдаты не хотели задерживаться ни минуты и заставляли железнодорожных служащих под угрозой немедленной расправы нарушать все условия нормального движения. Они перехватывали вагоны с продовольствием для армии, расхищали казенные и частные грузы, требовали отправки поездов, когда путь не был еще свободен. В городах грабились магазины. В конце сентября, начавшись в Бендерах, пьяные погромы перекинулись с Юго-западного фронта в Острог и Харьков, оттуда в начале октября – в

[1] Кандель Ф. Книга времен и событий... С. 20.

[2] Милюков П. Россия на переломе. Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. Т. 1. С. 99.

Саратовскую и Самарскую губернии».[1] К солдатам присоединялись освобожденные из тюрем уголовники, умножавшие размеры проходивших грабежей. Порожденная неудачами на фронте разруха проникла во все поры российского организма, угрожая смести завоевания Февральской революции, узаконившей существование частной собственности.

Заслуга Временного правительства состояла в том, что, борясь с дефицитом продовольствия, оно учитывало интересы имущей части деревни. Вместо взвинчивания цен беспорядочными закупками представителей городов и армейских подразделений оно установило правила поставок зерна по заниженным ценам, разрешая при этом владельцам продавать остававшиеся «излишки», как им заблагорассудится.

В этот период горожане питались несравненно лучше, чем во время диктатуры большевиков. В июле-августе 1917 г. был установлен следующий месячный паек: муки 24,5 кг, крупы 4 кг, соли 0,8 кг, постного масла 0,6 кг, картофеля 24,5 кг, сахара 0,8 кг, чая 0,74 кг.[2] После прихода к власти большевиков о подобном пайке горожанам приходилось только мечтать. В 1918 г. он составлял порядка 0, 4 кг хлеба в день или, иначе говоря, менее 12 кг в месяц. Дневная калорийность пайка равнялась всего 1170 калорий в день для самого рабочего и 585 калорий для членов его семьи.[3] Такого страшного голода Россия до этого не знала.

В то же время месячный паек ответственных работников большевистского ЦК включал следующие продукты: сахар 1,7 кг, чай 1,7 кг, мука ржаная 8,7 кг, мясо 5,2 кг, масло сливочное 1,3 кг, сыр и ветчина 1,7 кг, сушеные овощи 1,7 кг, соль 434 г. Возглавлявшие же власть Ленин и Троцкий имели абсолютно все, включая в неограниченном количестве черную и красную икру. Что касается Сталина, то он как рядовой нарком, помимо цековского пайка, получал 15 кур в месяц.[4]

Чтобы иметь подобное изобилие, большевики добивались свержения Временного правительства, защищавшего частную собственность. В условиях войны единственным спасением республики было поражение Германии и заключение с ней мира без аннексий и контрибуций. В связи с этим 9 июля 1917 г. правительство А. Ф. Керенского «получило от исполнительного

[1] Там же. С. 97.
[2] Прокопович С. Н. Война и народное хозяйство. М., 1918. С. 48.
[3] Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России по офиц. данным. Ревель, 1921. С. 37.
[4] Комсомольская правда. 2000.. № 105. 14 июня. С. 5.

комитета Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов звание «правительства спасения революции» с признанием его «неограниченных полномочий для восстановления организации и дисциплины в армии, а также решительной борьбы с всякими проявлениями контрреволюции и анархии».[1]

18 июля наделенный диктаторскими полномочиями А. Ф. Керенский вместе с министрами Временного правительства перебрался в Зимний Дворец. Совет же со всем своим аппаратом обосновался в Смольном. С 3 по 24 июня здесь заседал первый полномочный Всероссийский съезд советов, на котором из 1050 делегатов большевиков насчитывалось всего 105 чел. В выработке резолюций, одобрявших политику Временного правительства, они участия не принимали.

В отличие от остальных участников съезда, большевики представляли иной тип «революционера». Это были те, кто добивался захвата власти, чтобы, сея террор и расстрелы, обеспечить себе привольную жизнь.

Таким в первую очередь был Ленин. О его замечательном гуманизме и смелости написано немало небылиц. На деле вся его жизнь прошла в заботах о собственном здоровье, которое он считал бесподобно ценным «казенным имуществом». Что касается смелости, то она не простиралась дальше избиения заключенных, посаженных в железные клетки, чтобы в дальнейшем по его распоряжению их подвергали пыткам либо уничтожали. После захвата власти он никогда не выезжал за границу из-за угроз якобы готовившихся покушений и т.д.

Небылицами полно и описание его предков. Они изображаются преданными царю выходцами из народа. Мать Ленина – еврейка М. А. Бланк, посвятившая жизнь борьбе с царизмом, описывается так, что у нее напрочь исчезают еврейские черты на фоне приписываемой ей «немецкой педантичности». Особенно в этом поднаторел профессор В.Т. Логинов.[2]

Известно, что Ленин считал себя преемником коммунистических идей С. Г. Нечаева. Для достижения этих целей оба пользовались услугами агентов царской охранки. О подобных «революционерах» Маркс писал: «Основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового Света, создававшие Общий устав Товарищества рабочих, упустили из виду, что сама широта его программы позволяет

[1] См. Там же. С. 82.
[2] Логинов В. Владимир Ленин. Выбор пути. Биография М., 2005.

деклассированным элементам проникнуть в него и создать внутри тайные организации, усилия которых будут направляться не против буржуазии и существующих правительств, а против самого Интернационала. Так и произошло с Альянсом социалистической демократии (самопровозглашенной С. Г. Нечаевым организации)». [1]

Развивая установки Нечаева, Ленин добивался осуществления повального террора. У него никогда не было сострадания к тем, кого собирался убивать. В частности, в секретном письме членам политбюро он писал: «Если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом в самый кратчайший срок».[2] Ниже приводится написанный им в апреле 1919 г. проект резолюции МК: «московскую ЧК обязать произвести аресты беспощадно, не считаясь с прошлыми соображениями, среди забастовщиков и делегатов».[3]

По словам Горького, сказанным, в ноябре 1917 г., «Ленин обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс...Рабочий класс для Лениных то же, что для металлиста руда»[4]. Куприн так писал тогда о Ленине: «Ему решительно все равно: сколько миллионов этих товарищей погибнет в кровавом месиве...Он - это помесь Калигулы и Аракчеева».[5] «Помеси Калигулы и Аракчеева» постоянно поддакивал бесстрашный Троцкий, заявлявший, что «беспощадность есть высшая революционная гуманность», а «устрашение могущественное средство политики».[6] То же делал Сталин, прославившийся «приготовлением острых восточных блюд».

Едва большевики приходили к власти, как в стране начинались чудовищные пытки и массовые убийства. Бескровное «триумфальное шествие советской власти», заканчивалось потоками крови многочисленных жертв. Неистовый разгул пыток

[1] Маркс К. Заявление Генерального совета по поводу злоупотреблением Нечаевым имени Интернационала. Т. 17. С. 440.
[2] Кандель Ф.Книга времен и событий... С. 127.
[3] Ленин. Неизвестные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 286.
[4] Кандель Ф. Книга времен и событий... С. 28.
[5] Безелянский Ю. Ангел над Бездной М., 2001. с400.
[6] См. Клушин В. Малоизвестное о Троцком. //Коммунист 2010. май-июнь. № 3.

и убийств с тех пор набирал все большую силу. Для прирожденных убийц и садистов наступили радостные дни. По данным сборника «Демографическая модернизация России», потери военнослужащих обеих сторон на полях сражений (2,5 млн. чел.) почти равнялись числу жертв замученных большевиками (1,7 млн. чел.). [1]

Численность сторон участвовавших в сражениях гражданской войны не была одинаковой. В 1918 г. соотношение сил красных и белых было 1 к 2,1; в 1919 г. – 1 к 18; в 1920 г. 1 к 1,4, в конце 1920 г. 1,6 к 1.[2] А это значит, что на протяжении первых лет гражданской войны на стороне белых сражалось больше крестьян, чем в Красной Армии. Белые возглавляли народную борьбу против власти большевиков. Крестьяне к ним присоединялись добровольно в отличие от Красной армии, державшейся на принудительных мобилизациях и беспощадном терроре.

В гражданской войне, так или иначе, участвовали все народы России, в том числе и евреи. Если крестьяне уничтожали их семьи, грабя имущество, то это происходило тогда, когда евреи были виновниками большевистских истязаний и расстрелов. Как говорили сами повстанцы, их цель «уничтожить коммунистов всех национальностей, отнимавших у них хлеб».[3] Намного страшнее громили еврейские поселения Красные полки, особенно Первая конная, чьей лозунг был «бей жидов, коммунистов и комиссаров, анархия мать порядка».[4]

Созданная Деникиным комиссия, расследовала преступления большевиков. Их деяния подробно изложены в сборнике под редакцией С.П. Мельгунова, уже давно ставшего библиографической редкостью. Изложенные ниже факты читать без омерзения невозможно.

Таганрог 18 января 1918 г. В город вступили части Красной Армии Сиверса. 20 января юнкера заключили перемирие с условием, что им дадут возможность без оружия уйти из города. Перемирие нарушили большевики. Последовали аресты и массовые убийства. На металлургическом заводе красноармейцы

[1] Демографическая модернизация России. 1900-2000. М., 2006. С. 101; 403.
[2] Цит. по: Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 21.
[3] ГРАСПИ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 14.
[4] Там же. Л. 16.

бросили в пылающую доменную печь до 50 юнкеров и офицеров, предварительно связав им ноги и руки в полусогнутом положении. Впоследствии останки этих несчастных были найдены в шлаковых отбросах на заводе. Убитых оставляли подолгу валяться на месте расстрела. Родственникам не разрешали их забирать. Трупы оставлялись на съедение собакам и свиньям. [1]

14 января в Евпаторию вошли красные. Начались массовые аресты офицеров, зажиточных и причисленных к контрреволюционерам. За 3-4 дня в маленьком городке было арестовано свыше 800 чел. Казнили на транспорте «Трувор». Арестованных из трюма выводили на палубу. В окружении красноармейцев их вели к так называемому «лобному месту», где матросы, снимали с жертвы верхнюю одежду, связывали веревками руки и ноги и в одном нижнем белье укладывали на палубу; затем отрезали, уши, нос, губы, половой член, а иногда и руки и в таком виде жертву бросали в воду. После этого кровь с палубы смывали водой шлангом. За 3 дня 15,16 и 17 января на транспорте «Трувор» и на гидро-крейсере «Румыния» на глазах родственников, стоявших на берегу, было убито и потоплено не менее 300 чел.[2] По этому поводу было обнародовано заявление «Особого собрания моряков Красного флота республики», в котором указывалось, что «за каждого убитого товарища будем отвечать смертью сотен и тысяч богачей».[3]

Сексуальное насилие бравых чекистов было так же повседневно как грабежи всего, что попадалось под руку. «Грабят и продают, - писал М., Горький, - церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворовывают интендантские запасы, - грабят дворцы бывших великих князей, расхищают все, что только можно расхитить, продается все, что можно продать, В Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдок и продают их по 25 руб. за штуку».[4]

Если же у несчастной имелись драгоценности, то она подвергалась немыслимым пыткам. Так случилось, в частности, в тюремной одиночке с учительницей Домбровской. «Первым насиловал чекист Фридман, за ним остальные. После этого ее

[1] Мельгунов С. П. «Красный террор». 19918-1923. Изд. 2-ое дополнительное. Берлин, 1924. С. 140.
[2] Там же. С. 143.
[3] Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. Рассказы. М., 1991. С. 65.
[4] Там же. С. 75.

подвергли пытке, допытываясь признания, где спрятано золото. Сначала у голой надрезали ножом тело, затем железными щипцами, плоскогубцами отдавливали конечности пальцев. Терпя невероятные муки, обливаясь кровью, несчастная указала место в сарае. В 9 часов вечера 6-го ноября она была расстреляна. В ее доме после этого был произведен тщательный обыск, нашли золотой браслет и несколько золотых колец».[1]

В станице Кавказской при пытке использовали железную перчатку - массивный кусок железа с мелкими гвоздями. Его надевали на правую руку. В Армавире употреблялся венчик - простой ременный пояс с гайкой и винтом на концах. Ремнем перепоясывалась лобная и затылочная часть головы, гайка и винт завинчивались. В Симферополе устраивались клизмы из битого стекла и ставились горячие свечи под половые органы. В Царицыне арестованного сажали на раскаленную сковороду.[2]

Чека буквально хвалилась своими кровавыми деяниями. Петроградский орган «Революционное дело» рассказал, как расстреливали заключенных на одной из станций Ириновской железной дороги. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму. Когда яма была наполовину готова, им приказали раздеться. Затем их сталкивали в яму. По ним открывали огонь. С остальными поступали таким же манером, после чего яма, где стонали живые и раненые, засыпалась землей.

Немыслимый грабеж и насилие творились и в деревнях во время изъятия «хлебных излишков». 3 апреля 1918 г., - писали Горькому крестьяне, - к нам, в село Баську приезжали красногвардейцы, около 300 человек, которые ограбили всех состоятельных домохозяев, т. е. взяли контрибуцию с кого тысячу, с кого две, а с кого и шесть тысяч рублей. Всего с нашего села изъяли 85350 руб., а сколько ограбили разного добра хлебом, мукою, одеждой и прочего, подсчитать невозможно. А, как пороли нагайками людей, трудно описать. От одного воспоминания волосы дыбом становятся».[3]

«Красный террор» в деревне был ужаснее, чем в городе, - подчеркивает С. П. Мильгунов, - дома разграблены, скотина уведена, некоторые семьи целиком вырезаны, не жалели даже

[1] Мельгунов С. П. «Красный террор»... С. 187.
[2] Там же. С. 188.
[3] Горький М. Несвоевременные мысли... С. 21.

стариков, женщин и детей».[1] Повсюду пороли розгами, шомполами, палками и ногайками.[2]

У каждого провинциального отдела чека, выполнявшего все циркуляры, приказы и указания ВЧК[3], были свои излюбленные способы пыток. В Харькове скальпировали череп и снимали с кистей рук «перчатки». В Воронеже арестованных сажали голыми в бочки, утыканными гвоздями, и катали, выжигали на лбу пятиконечную звезду. Священникам надевали венки из колючей проволоки. В Царицыне пилили кости пилой. В Полтаве и Кременчуге сажали на кол. В Одессе одних офицеров жарили в печи, других разрывали пополам. В Киеве их клали в вырытый из земли гроб с разложившимся трупом, затем гроб закапывали и через полчаса откапывали вновь. В Харькове сплющивали головы одновременным и громадным давлением плоских предметов с двух сторон. В селе Алексеевском и др. жертва выводилась зимой на улицу и обливалась холодной водой, пока не превращалась в ледяной столб. В Киеве сажали в большой раскаленный котел, затем помещали в трубу с набитыми гвоздями и сверху поливали кипятком.[4]

Поражают и масштабы отвратительных убийств. Так, после окончания военных действий в Крыму заместитель Троцкого Склянский заявил: «Война продолжится, пока в Крыму останется хоть один белый офицер». В результате здесь погибли 52-75 тыс. сдавшихся в плен врангелевцев, которым до этого была обещана жизнь. Истязания и массовые убийства были составной частью ленинского террора. Многие из них позднее применялись фашистами. Об этом, в частности, 21 декабря 1934 г. писал Сталину И. П. Павлов: «Вы сеете не революцию, а с огромным успехом фашизм. Без Вашей революции фашизма не было».[5]

Фашисты учились у Ленина и использованию антисемитской пропаганды для укрепления своей власти. Идеология большевизма с самого своего рождения носила черносотенное клеймо. «П. Б. Аксельрод в 1918 г. писал: «не из

---

[1] Мельгунов С. П. «Красный террор...С. 155.
[2] Там же. С. 160.
[3] Совершенно секретно. Положение о чрезвычайных комиссиях на местах, принятое на Всероссийской конференции чрезвычайных комиссий 11 июня 1918 г. С. 2.
[4] Мельгунов С. П. Красный террор в России. «Чека». Материалы по деятельности чрезвычайных комиссий. Берлин, 1922. С. 182-228.
[5] Цит. по: «Россия в XX веке: Народ, власть, войны, революции и обществ». СПБ, 2005. С. 295.

политического задора, а из глубокого убеждения я характеризовал 10 лет тому назад ленинскую компанию как шайку черносотенцев и уголовных преступников». П. Б. Струве «определял большевизм как черносотенный социализм и как смесь ядов с истинно русской сивухой».[1]

В беседе с Горьким Ленин говорил: «Русский умник почти всегда еврей или с примесью еврейской крови».[2] Как прокаженный умалчивает о своем прошлом, этот «русский умник» даже от близкой родни скрывал факт своего происхождения от еврейской матери, не говоря уже о калмыцких и шведских корнях своего отца. Зато в обязательной для большевиков графе «национальность» Ленин с гордостью писал «великоросс». В итоге он воистину разгневал богов! Так много сделавшая для него мать была похоронена на Волковском кладбище. Перед смертью он просил, чтобы его могила была рядом с ней. Однако ему было отказано. До сих пор его подрумяненный труп лежит в роскошном гробу, демонстрируя покойника всесоюзного похоронного бюро.

Для Ленина евреи были смертельными врагами, отказывающимися мириться с порядками большевиков. После победы Февральской революции они защищали Временное правительство, отменившее все национальные ограничения и уничтожавшее антисемитскую литературу. В частности, по распоряжению Керенского были конфискованы и уничтожены напечатанные в мае 1917 г. в Троице-Сергиевой лавре «Протоколы Сионистских мудрецов».[3]

На выборах в Учредительное собрание сформировался блок борьбы с большевиками, включавший всех независимо от национальности и религии. За него проголосовало 417 тыс. 215 чел. Их штаб квартирой было арендованное Бундом помещение в доме 2 по Лубянскому проезду. Здесь же находилось его издательство «Молот» и закрытый книжный распределитель литературы.[4] Позднее благодаря ленинским ухищрениям помещение перешло к еврейской коммунистической партии (Поалей – Цион), находившейся на содержании ВЧК.

---

[1] Гуль Р. Я унес Россию. Т. 3. М., 2001. С. 247.
[2] Цит. по: Штейн М. Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПБ, 2004. С. 59.
[3] Протоколы Сионистских мудрецов. Всемирный тайный заговор. Берлин, 1022. С. 8.
[4] ГРАСПИ. Ф. 272. Оп. 1. Ед. хр. 107. Л. 1, 5, 14, 161.

Наиболее крупные еврейские политики входили в руководство российских партий. В частности, в Учредительном собрании среди депутатов - евреев, прошедших по спискам Совета крестьянских депутатов, евреев было вчетверо больше, чем прошедших по спискам еврейских национальных организаций. Евреи составили пятую часть исполнительного комитета крестьян, добивавшихся уничтожения крупного землевладения на условиях сохранения частной собственности на землю. Именно они были наиболее непримиримыми противниками национализации земли большевиками.

Чтобы сломить организованное евреями сопротивление, по инициативе Ленина в начале 1918 г. стала издаваться газета на идиш. С этой же целью в советах учреждались еврейские коммунистические секции, призывавшие сотрудничать с большевиками. Однако в 1918 г. основная масса евреев, несмотря на обещания молочных рек и кисельных берегов, за большевиками не пошла. Евреи требовали прекращения арестов, пыток и расстрелов. Для защиты от погромщиков создавались независимые от большевиков вооруженные отряды.

Для подрыва авторитета блока еврейских партий, ВЧК в мае 1918 г. создало группу христианских социалистов, выступавших с призывом «Антисемиты всех стран, всех народов и всех партий, объединяйтесь!». В рассылавшихся по почте листовках говорилось: «Арийская раса – тип положительный как в физическом, так и нравственном отношении, иудеи – тип отрицательный, стоящий на низшей ступени человеческого развития».[1] Откликом на эти листовки стала листовка Горького в защиту евреев под названием «Товарищи и Граждане».[2] Изданная массовым тиражом листовка была разослана по почте. После этого помещение, арендованное газетой, вместе с ее складом печатной продукции было опечатано ЧК. Горький первый возглавил борьбу с антисемитизмом большевиков.

Пафос горьковской листовки «Мы должны уметь ценить умелых работников влюбленных в труд» перекликается с листовкой Киевского религиозного философского общества «Братья христиане». Листовка тоже призывала «Довольно крови! Довольно погромов! К мирной работе! К великому строительству

[1] Горький М. Несовременные мысли... С. 102-103.

[2] Максим Горький. Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос. Авторы составители Михаил Агурский, Маргарита Шкловская. Иерусалим, 1986.

родины!».[1] Горький со своими «несвоевременными мыслями» был не одинок.

Антисемитские листовки расклеивались на стенах и рассылались по почте на протяжении всех лет существования большевистской власти. С годами они становились все более отвратительными. От умозаключений о неспособности евреев стать социалистами перешли к обоснованию антихристианского характера проповедуемого ими социализма и коммунизма и призывам объявить всем евреям бойкот без погромов, вызывающих к ним симпатии.[2] Прошло немного лет, как появились фальшивые листовки от имени евреев, унижавшие русский народ.[3] В конце концов, подобные листовки стали призывать к одному – к убийству евреев. В 1928 г. призывы шли от имени неизвестных, хотевших их смерти, позднее – от имени «патриотов России».[4]

Большевистский антисемитизм падал на «благодатную почву». Масштабы погромов были беспрецедентны по жестокости и количеству жертв. По данным, сообщенным на Генуэзской конференции, в убийствах евреев обвинялись как белые, так и красные. Только в 4-х украинских губерниях пострадало 500 тыс. чел. Из них 200 тыс. было убито, заживо погребено и сожжено, 30 тыс. изнасиловано. А ведь были еще и другие губернии, где совершались погромы. При этом излагались объяснения причин убийств. Белые убивали евреев потому, что, отстаивая частную собственность, они стремились уменьшить нищету, красные – потому, что, национализировав собственность, они стремились тому, чтобы не было богатых, остались только бедные.

Пропагандировавшийся большевиками антисемитизм достиг неведомых в прошлом размеров. Широкие массы отождествляли господство большевиков с господством евреев, в связи с чем в ноябре 1919 г., Ленин направил украинскому руководству секретное предписание «не допускать евреев в органы власти (разве в ничтожном проценте, в особо исключительных случаях под классовый контроль)».[5]

[1] ГРАСПИ. Ф. 272. Оп. 1 Ед. хр. 81. Л. 135.

[2] См. Барон А. В. Меллер-Закомельский. Страшный вопрос. О России и еврействе. Париж, 1923.

[3] Стенограмма диспута об антисемитизме. Москва декабрь 1926 г. Речь Ларина.//Архив еврейской истории Т. 5. М., 2008. С 214.

[4] Резник С. Красное и коричневое. Книга о советском нацизме. Вашингтон, б. г. С. 11.

[5] РГАСПИ Ф. 2 Оп. 1 Д. 11800.

Следуя ленинскому указанию, евреи принимались на службу в очень ограниченном числе. При этом «неблагозвучные» еврейские фамилии менялись на русские. Их действительно еврейское происхождение учитывалось лишь в специальных подразделениях ЦК и архивах ЧК. Так было не только у нас. В фашистской Германии, например, нужные рейху евреи становились признанными членами национал-социалистической партии.

Массовое истребление большевиками «врагов народа» обосновывалось угрозой реставрации самодержавия, поддержанной интервенцией империалистических держав. Бессмысленно жестокое уничтожение семьи Николая II и всех его родственников стало кульминацией большевистского запугивания.

Горький первый выступил против большевистского глумления над Николаем II и его семьей. Летом 1917 г., когда в Петрограде, находясь под домашним арестом, царь пилил дрова, а дочери занимались огородом, их окружала, выкрикивавшая оскорбления толпа. В связи с этим 18 июня 1917 г. Горький по почте разослал листовку против издевательств над отрекшимся от престола царем. Недальновидный Николай II, по недоразумению прозванный кровавым, проявил себя по настоящему мужественным во время расстрела своей семьи, став достойным погребения в царской усыпальнице Петропавловской крепости.

Но на этом история с ликвидацией власти царя не закончилась. И в стане белых, и в стане красных периодически появлялись группы, призывавшие к кровавой реставрации монархии. Белые от них открещивались. Красные для того, чтобы запугать население, сами создавали их, сея монархическую пропаганду. В частности, накануне Генуэзской конференции полпред РСФСР в Польше Карахан создал заговорщическую организацию «русских монархистов», получивших от него 40 тыс. немецких марок.[1] Подобных созданных большевиками групп на территории России было немало, что служило основанием приписывать белому движению монархические устремления, подкрепленные интервенцией империалистических держав. Неслучайно все ораторы, начиная от вождей и кончая рядовыми тружениками, сводили свои выступления к анализу международного положения страны.

Прикрываясь угрозами реставрации монархии и иностранной интервенции, Ленин продолжал творить кровавый

[1] ГРАСПИ. Ф. 63. Ед. Хр. 293. Оп. 1. Л. 30.

террор. Среди протестовавших против политики большевистских властей рабочие Петрограда занимали видное место. Их заставляли как можно больше трудится, снижая затраты, связанные с их существованием. Любая забастовка клеймилась как предательство дела рабочего класса. Со страниц «Правды» всех стачечников называли «отщепенцами рабочего движения»[1], а следовательно, врагами народа.

Не прекращавшиеся забастовки вынудили Ленина уже в сентябре 1918 г. гневно заявить, что горстки, группы, слои рабочих «упорно держатся традиций (привычек капитализма) и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать «ему» работы поменьше и похуже – содрать с него денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, сормовских и путиловских рабочих и т. д.?».[2] Позднее в 1919 и 1920 гг. он вновь поднимал вопрос о неукоснительном соблюдении большевистского распорядка рабочего дня. Умиравших от голода рабочих заставляли непрерывно трудиться для того, чтобы сам Ленин и его подвижники жили привольно, не зная нужды.

Хроническое снижение оплаты труда сопровождалось увеличением числа рабочих дней и ростом сверхурочных. После Октябрьского переворота рабочий год был увеличен до 300 дней. Число государственных праздников сократилось до 9 против отмененных многочисленных праздников царствовавшего дома. Почти все рабочие были лишены отпусков.[3]

Рабочий день превышал рабочий день дореволюционного прошлого. Так, например, в Петрограде было отдано распоряжение с октября 1919 г. выдавать полный паек только при условии труда в течение 12-ти часов.[4] Однако и этот полный паек сплошь да рядом числился лишь на бумаге. Большевистские власти в данном случае неукоснительно следовало ленинскому указанию распределять продовольствие лишь с целью увеличения выпуска продукции.

В декабре 1919 г. официальный паек работавшего составлял 435 г. в день, члены семьи ничего не получали. Производительность труда, несмотря на ленинские окрики, неуклонно падала. К 1920 г. она составляла примерно треть

[1] Правда. 2 июля 1918 г.
[2] Ленин В. И. О характере наших газет Т. 37. С. 90-91.
[3] Струмилин С. Г. Избранные произведения в пяти томах. Т. 1. Статистика и экономика. М., 1964. С. 19.
[4] Пестржецкий Д. И.. Около земли. Берлин. 1922. С. 103.

довоенной.[1] Но каким же нужно было обладать цинизмом, чтобы в связи с этим обвинять городских тружеников в том, что они как пенсионеры якобы живут за чужой счет.

По словам М. Томского, сказанными еще в мае 1918 г., «падение производительности в настоящее время дошло до той роковой черты, за которой (вернее на которой) производству грозит полное разложение и крах. Это положение характеризуется тем, что работник создает меньшие ценности, чем получает, менее того, что ему необходимо для самого скудного существования. При таком положении работник-производитель превращается в пенсионера государства, живущего за чужой счет».[2]

В том же духе сетовал и А. Гастев. «По существу, - говорил он, - мы имеем дело с громадным миллионным саботажем. Мне смешно, когда говорят о буржуазном саботаже, когда на испуганного буржуа указывают как на саботажника. Мы имеем саботаж национальный, народный, пролетарский. Мы встречам громадное противодействие со стороны рабочей массы, когда приступаем к нормированию».[3]

Зачинателями саботажа естественно, были рабочие Петрограда. Антибольшевистские выступления здесь начались еще в 1917 г., когда по инициативе питерских рабочих состоялось заседание рабочей конференции Союза защиты Учредительного собрания, на которой 20 декабря 1917 г. присутствовали представители 115 заводов и фабрик[4]. Они потребовали передачи всей власти в стране Учредительному собранию. В ответ большевики 23 декабря 1917 г. ввели военное положение, передав власть чрезвычайному штабу Красной гвардии. Но это не остановило рабочих. 5 января 1918 г. состоялась многотысячная демонстрация против разгона Учредительного собрания. Красногвардейцы открыли по ней огонь. Из 12 погибших 8 были рабочими Обуховского завода. В знак протеста на заводе состоялся митинг. В принятой резолюции рабочие отозвали своих делегатов из санкционировавшего расстрелы Петросовета,

[1] Dobb M. Soviet Economic Development since 1917. L., 1966. C. 110.
[2] Цит. по: Прокопович С. Н. Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 331.
[3] Там же. С. 332.
[4] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата», октябрь 1917-1929 Экономические конфликты и политический протест. Спб., 2000. С. 9.

назначив похороны жертв на 9 января.[1] Подобные митинги проходили на других заводах. Большевикам не давали выступать. Их стаскивали с трибуны.

18 января 1918 г. состоялось Заседание уполномоченных фабрик и заводов, провозгласивших восстановление Союза защиты Учредительного собрания. Среди уполномоченных 35 были меньшевиками, 33 эсерами, 1 – народным социалистом и 45 беспартийными. Они требовали отказа от Брестского мира, отставки Совета народных комиссаров, передачи всей власти Учредительному собранию.

Весной 1918 г. Петроград вышел из-под контроля большевиков. Чтобы избавиться от враждебно настроенных рабочих большевики объявили о демобилизации промышленности и ее эвакуации. Перетрусивший Ленин предлагал сдать немцам Петроград. Выступления рабочих послужили главной причиной тайного бегства правительства в Москву.

Между тем большевики наращивали меры по усмирению рабочих. В городе отряды красной гвардии и чека беспрерывно проводили аресты их руководителей. Там, где они встречали сопротивление, в ход пускалось оружие, включая пулеметы. 27 июня 1918 г. Чрезвычайное собрание уполномоченных фабрик и заводов было объявлено контрреволюционной организацией и распущено.

Петроград был не просто сколком рабочего движения России. Здесь апробировались пролетарские методы борьбы с кровавым большевизмом. Их перенимали рабочие других городов, стремившихся объединиться в масштабе всей страны. Здесь же в Петрограде впервые апробировались и методы подавления их протестных выступлений. Они включали не только расстрелы и аресты, но и подтасовки выборов, роспуск рабочих организаций облыжно обвиненных в контрреволюционных намерениях и т. д. Когда весной 1918 г. проводились выборы в советы, то во многих промышленных городах - Туле, Сормове, Ярославле и др. - большевики утратили над ними контроль. Тогда по инициативе властей Петрограда их стали объединять с советами, назначавшимися политотделами Красной Армии. Там же, где этого оказывалось недостаточно, власть переходила к ревкомам.

[1] Чураков Д. О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в советской России. 1917-1918 г. М., 2004. С. 81-82.

Политические выступления и вооруженные восстания городских рабочих против большевиков не прекращались на всем протяжении гражданской войны. И опять-таки примером для подражания был Петроград, на долю которого, по данным Истпрофа (Комиссии по изучению профессионального рабочего движения при ВЦСПС) в 1919 г. приходилось 63% зарегистрированных в РСФСР забастовщиков.[1] Как говорил Калинин, выступая на заседании ВЦИК 23 октября 1919 г., «самое контрреволюционное настроение в Советской республике господствует в ее столицах и тех местностях, куда массами бежали столичные рабочие, спасаясь от голода».[2]

Так, 10 марта 1919 г. путиловцы единогласно приняли резолюцию, в которой резко осуждалась кровавая власть большевиков. Они требовали «передачи всей власти свободно избранным советам, уничтожения чрезвычаек, отмены казней и пыток, разрешения свободы слова, печати, собраний, всеобщего вооружения народа и т. п.».[3] Путиловцев поддержали рабочие других предприятий города. Для их усмирения использовались подразделения чекистов и курсантов, сформированных из латышей и китайцев, производивших расстрелы и аресты.

Осуществляя кровавый террор, большевики опирались на аппарат насилия, лишенный связей с местным населением. Ряды чекистов продумано пополнялись за счет тех, кто родом был из мест, удаленных от места службы, и лиц нерусской национальности. На этой почве возникало враждебное противостояние одних национальностей другим, в котором первое место принадлежало евреям, служившим в ЧК. Из местных вербовались в основном осведомители, выявлявшие тех, кто был враждебен к властям.

Однако террор не мог заставить рабочих отказаться от борьбы. «Только в протоколе совещания представителей районных троек от 14 июля 1919 г. описываются забастовки на 35 предприятиях города, происходившие с 10 по 14 июля, в том числе на Путиловском, Балтийском, Трубочном, Обуховском заводах. Рабочие требовали хлеба, свободы торговли, прекращения гражданской войны».[4]

---

[1] Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 14.

[2] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 72.

[3] Там же. С. 147.

[4] Там же. С. 148

По примеру Петрограда поступали рабочие других городов. Подоплека их протеста была неизменной – отсутствие рынка и демократических свобод. В этом отношении весьма типичны события в поселке Богородское Павловского уезда Нижегородской губернии. Весной 1919 г. большинство в местном совете получили меньшевики. «Игнорируя результаты выборов, - пишет Д. Б. Павлов, - совдеп старого большевистского состава продолжал функционировать и вскоре с помощью ряда административных мер одержал полную победу над местным базаром, лишив рабочих прав покупать продукты. 24 мая в поселке произошел голодный бунт, несколько коммунистов были растерзаны толпой... Чтобы прекратить кровопролитие, власть взял новый меньшевистский Совет, которому удалось успокоить рабочих и таким образом спасти от гибели остальных коммунистов. Несмотря на это, все они были арестованы присланным в поселок карательным отрядом. В декабре 1919 г. их судил ревтрибунал по обвинению в контрреволюционном выступлении».[1]

Большой общественный резонанс получила всеобщая стачка рабочих Твери в середине июня 1919 г. В ней участвовало около 10 тыс. чел., из которых свыше половины были женщины. Поводом для нее послужило уменьшение продовольственного пайка и 10%-ная мобилизация в Красную Армию. Под предлогом мобилизации большевики избавлялись от враждебно настроенных рабочих.

Среди требований избранного рабочими делегатского собрания было «разрешение провоза 1,5 пуда хлеба на человека организованным путем, по примеру петроградских и московских рабочих, и провоза его членами семьи из ближайших деревень». Другое требование - ликвидация диктатуры партии потому, что многие нежелательные для рабочих лица занимают должностные места. Кроме того, стачечники призывали переизбрать советы путем всеобщего голосования и отменить объявленную профсоюзами 10%-ную мобилизацию. Примечательно, что когда поступило внеочередное заявление допустить на делегатское собрание представителей солдат (эвакуированных из Петрограда за их неблагонадежность), оно было принято единогласно.[2] Естественно, что и здесь не обошлось без отряда ЧК, производившего массовые аресты.

---

[1] Павлов Д. Б. Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917-середина 1950-х годов. М., 1999. С.29-30.

[2] См. Трудовые конфликты в Советской России... С. 270-271.

Обстановка повсеместно настолько накалилась, что постановлением ВЦИК и Совета труда и обороны (СТО) от 12 мая 1920 г. под предлогом войны с далекой Польшей и еще более далеким Врангелем в ряде губерний - Иваново-Вознесенской, Тульской, Саратовской и др. - было введено военное положение. Однако протесты рабочих, несмотря на террор, не уменьшились.

Об обстановке, сложившейся в 1920 г. свидетельствует, в частности, циркуляр ВЧК №5 от 1 июля 1920 г. «О борьбе с антисоветскими партиями». В циркуляре подчеркивалось, что «изнуренный и малосознательный рабочий и крестьянин, не дождавшись скорого улучшения своего материального положения, начинает выказывать свое недовольство, выражая его в забастовках и восстаниях».[1] Разумеется, забастовки и восстания рабочих начались не в 1920 г. Циркуляр, по-видимому, фиксировал лишь факт их территориального расширения. Только по официальным данным за этот год в Петроградской, Московской и 16 других губерниях было 146 забастовок.

Немало рабочих, спасаясь от голода и других лишений, бежали в деревню, где у них оставались родственники. «К 1919 г., - пишет, - Л. Крицман, - численность промышленных рабочих сократилась на миллион человек, а города потребляющей полосы опустели почти на половину, столицы еще больше. Этот отлив из города выявился в деревне в виде возвращения «отсутствующих» хозяйств, которых между 1917 и 1919 гг. вернулось по разным губерниям от 60% всего их числа и до 80% и выше».[2]

Оскудение городов – типичная черта стран безраздельного господства коммунистов. В Петроградском районе по сравнению с 1-м января 1917 г. численность рабочих к 1-му декабря 1920 г. сократилась с 365 тыс. до 102-х тыс. чел. Соответствующие показатели для Московской губернии составляли 411040 тыс. чел. и 192603 тыс. чел. в июне 1920 г. На многих заводах рабочих было меньше, чем служащих, опасавшихся остаться без заработка и стать объектом чекистских гонений. [3]

Наступил полный упадок городской промышленности. Объявленное советским правительством сокращение ее

[1] Там же. С. 151.
[2] Крицман Л. Героический период великой русской революции. (опыт анализа т. н. «военного коммунизма») М., С. 183.
[3] Пестржецкий Д. Русская промышленность после революции. Берлин, 1922. С.37.; Дневник контрреволюционера. № 2. Редактор-издатель Д-р С. Пасманик. Париж, июнь 1923. С. 18.

производства на 70% на деле было блефом. По отношению к 1916 г. ни один показатель 1920 г. не превышал 5%, либо был намного меньше, за исключением деревообработки (15%), производства гудрона (25%) и огнеупорного кирпича(8%).[1] По Ленину только репрессии могли поднять промышленность из руин. Его речь «О трудовой дисциплине» была записана на грампластинку в конце марта 1920 г. «Все мы, - гневно говорил он, - скажем теперь: «Долой шкурников, долой тех, кто думает о своей выгоде, спекуляции, об отлынивании от работы, кто боится необходимых для победы жертв».[2]

Чтобы рабочие непрерывно трудились, на каждой фабрике существовал политический комитет большевиков. Комитет следил за неукоснительным соблюдением распорядка дня. Согласно распорядку рабочий был обязан стоять у станка через десять минут после свистка. Перерыв для обеда - не более 20 минут. Покидать рабочее место запрещалось. Оправдания «пошел покурить» не принимались. Приказания технического персонала подлежали немедленному исполнению. За неявку на работу 3 раза в месяц без уважительных причин рабочего судили и отправляли концентрационный лагерь.[3] В этих условиях попытки бастовать под угрозой истязаний и возможного расстрела требовали подлинного мужества.

Замечательно, что Маркс еще в 70-х годах XIX века предвидел возможность возникновения в России подобных отношений. «Стремлением каждого, - писал он, - будет производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше; в этом сознании свой пользы для общества будет заключаться вся гордость, все честолюбие тогдашних деятелей».[4] В нашем случае «гордость и честолюбие» ленинского ЦК заключались в том, чтобы производившие как можно больше позволяли руководству потреблять все, что заблагорассудится, а самому Ленину черпать ложками икру из конфискованной царской посуды.

[1] Пестржецкий Д. Русская промышленность... С. 62.
[2] Ленин В. И. ПСС. Т. 40. С. 232.
[3] Пестржецкий Д. Рабочий вопрос в Советской России. Берлин, 1922. С. 44.
[4] Маркс К. и Энгельс Ф. Альянс социалистической демократии и международное товарищество рабочих. Доклад и документы, опубликованные по постановлению Гаагского конгресса интернационала. Август 1873. Т. 18. С. 414.

За годы гражданской войны окончательно развалились былые экономические связи между городом и деревней. Большевики требовали, чтобы стомиллионное крестьянство исправно обрабатывало поля, отдавая добровольно все то, что производилось сверх собственного потребления, а также под надзором выполняло работы и служило в большевистских войсках. Официально такой порядок назывался важной ступенью строительства коммунизма.

Но крестьяне не желали мириться с такой участью. Сокращая посевы, они стремились уменьшить дань, предназначенную для государства. По ряду оценок к концу гражданской войны площадь крестьянских посевов сократилась почти наполовину (на 44%). [1] Чтобы предотвратить эти уловки, в декабре 1920 г. VIII съездом Советов было принято постановление «о социализации крестьянского хозяйства с целью организации посевкомов, которые должны были «устанавливать размеры, характер и способ обработки каждого из 20 млн. крестьянских хозяйств. Крестьянство, - указывалось в решениях съезда - должно вести свое хозяйство по единому плану и под единым руководством».[2]

На деле мы имеем здесь дело с принудительным трудом, приспособленным к ведению мелкого крестьянского хозяйства. Вместе с политическими комитетами большевиков в промышленности посевкомы были неотъемлемой частью опутавшей страну ленинской системы изъятия у населения прибавочной стоимости.

Ни имущие крестьяне, ни бедняки не желали мириться с участью, уготовленной им большевиками. Бедняки расхищали все, что им попадалось под руку. Вот что писал по этому поводу видный деятель прокрестьянской партии революционных коммунистов А. М. Устинов: «В комбеды входит голытьба, деклассированные элементы деревни, всякие перекати поле. Эта теплая компания, ничего за душой не имеющая, кроме сознания полноты власти, отправляется походом на хозяйственные элементы деревни, на всех тех, у кого хоть что-нибудь есть. При этом не щадятся и трудовые хозяйства: расхищаются скот и мертвый инвентарь всех видов, а также вплоть до самых

[1] Народное хозяйство в 1920 г. и первую половину 1921 г. М., 1921. С. 6.
[2] Югов А. Народное хозяйство Советской России и его проблемы. Берлин, 1929. С. 10.

ничтожных запасы продуктов; все и вся, идет не на создание ценностей а их уничтожение».[1]

Кроме насилия у большевиков не было иных средств воздействия на бедняков. Проев и пропив все, что им удавалось добыть, они начинали грабить ссыпные пункты, куда свозился конфискованный хлеб. Такой грабеж был своеобразной формой аграрного бандитизма, возникшего на почве порожденной большевиками продразверстки. Чтобы предотвратить его, большевики осенью призывали крестьян в армию, откуда они массами дезертировали, скрываясь в лесах. «По данным высшей военной инспекции, летом 1919 г. насчитывалось около одного миллиона дезертиров».[2]

В течение зимы на них шла настоящая охота. Хорошо вооруженные отряды чекистов расстреливали из пулеметов сотни дезертиров, у которых обычно было лишь несколько берданок и гранат, остальные тысячами сдавались в плен. Пленников направляли в запасные полки. Здесь их почти не кормили, спать оставляли в продуваемых сараях на холодном полу, в качестве обуви нередко выдавали лапти. Здесь же их приучали к военной дисциплине, вооружая несколькими винтовками при полном отсутствии патронов.

После отправки на фронт многие из них разбегались. Те же, кому удавалось экипироваться и вооружиться за счет противника, оставались служить. Армия давала возможность усваивать зачатки грамоты, не задумываясь исполнять и отдавать приказы, усваивать большевистские лозунги. Вступив в компартию, они получали доступ к командным должностям и соответствующим им льготам. Но и эти полки оставались ненадежными. На них довлели тяготы военного коммунизма – жестокое изъятие контрибуции и конфискации продовольствия в селах, где проживали их родственники.

С прекращением гражданской войны народные протесты и восстания против большевиков резко возросли. К ним все чаще присоединялись армия и флот. Народные массы требовали свободы торговли и изгнания из советов коммунистов. Эпицентром борьбы народа с большевиками стал Петроград. 11 февраля 1921 г. под предлогом отсутствия топлива здесь закрыли 93 предприятия. Тысячи рабочих и служащих оказались выброшенными на улицу. Самые смелые из них (2,5 тыс. чел.)

[1] Цит. по: Павлюченков С. Я. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С.72.
[2] Там же. С. 81.

вышли на демонстрацию, но были разогнаны Красными курсантами. Начались массовые аресты меньшевиков и эсеров.

Но аресты, пытки и расстрелы были не в состоянии предотвратить рост антибольшевистских протестов. 27 февраля к петроградцам присоединились кронштадтские моряки, избравшие временный революционный комитет (ВРК). Лозунги матросов, солдат и рабочих крепости почти дословно повторяли требования питерцев. В самом Кронштадте из 2680 чел. 900 покинули ряды РКП(б), призывая всех коммунистов сотрудничать с ВРК. Посланная ими в Петроград делегация была немедленно арестована. Число осведомителей в Кронштадте доведено до 176 чел.

4 марта Совет труда и обороны заявил, что в Кронштадте вспыхнул контрреволюционный мятеж. Однако сразу же подавить его не удалось. 561 полк и Омская стрелковая дивизия отказались штурмовать крепость, питерские курсанты колебались. Начались аресты и расстрелы. Тогда на подавление мятежа было брошено 390 участников съезда и чекисты. Кронштадт был взят. Началась жуткая вакханалия истязаний и расстрелов. 2103 чел. были расстреляны, 6459 чел. приговорены к различным срокам заключения.[1] Их судьбе последовали и взятые в заложники родственники.

Ленин поставил задачу – «именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели думать».[2] Тысячи мятежников были расстреляны и отправлены в концлагеря. Согласно утверждению большевиков, мятеж был организован французской контрразведкой и бывшим генералом Козловским, добивавшимися установления черносотенно-эсеровского режима. Это была чистейшая ложь. По личному поручению Сталина особоуполномоченный ВЧК Я.С. Агранов расследовал «роль отдельных партий и групп в возникновении и развитии восстания и связей организаторов и вдохновителей этого восстания с контрреволюционными партиями и организациями, действующими на территории Советской России и за рубежом. Но установить подобные связи не удалось».[3]

Как известно, генерал Козловский вместе с другими (почти 8 тыс. чел.) бежали в Финляндию. Как врагов народа их

[1] Кронштадт. 1921. М., 1997. С. 14.
[2] Кронштадт. 1921. М., 1997. С. 12.
[3] Кронштадтская трагедия 1921 г. Документы в двух книгах. Книга 1. М., 1999 . С. 7.

всех поставили вне закона. За подписью Ленина и Троцкого последовали распоряжения о проведении репрессий в отношении их родственников. В числе первых была семья Козловского. Его жена и четыре сына (младшему не было и 16 лет) вместе с остальными дальними родственниками были арестованы и сосланы в Архангельскую губернию.

Троцкий никогда не колебался в проведении жестоких репрессий против родственников врагов народа. Он искренне считал, что «институт заложников «имманентен» терроризму гражданской войны».[1] Но коли дело касалось его самого, как было в 30-е годы, когда по указанию Сталина уничтожались его дочь Зина и сын Сергей, он с негодованием заявлял, что «такие казни лишены политического смысла, что они - бесцельный акт обнаженной мести».[2] Фактически Троцкий невольно повторял слова князя Кропоткина, осуждавшего «безобразия, порожденные неограниченной всепожирающей властью большевиков».[3].

Требования питерцев и моряков выражали глубинные чаяния всей России. Свободы торговли и ликвидации мучительных пыток и расстрелов требовали и измученные крестьяне. Начавшиеся еще в 1918 г. крестьянские восстания, сметая коммунистов и их прислужников, полыхали по всей России.

Только в Поволжье (в Самарской, Симбирской, Саратовской, Казанской, Царицынской и Астраханской губерниях), по сообщениям карателей, было не менее 104 крестьянских восстаний и протестных выступлений, без учета их на возникшей позднее территории Самарского Комуча (Комитета членов Учредительного собрания). Опираясь на «Народную армию», власть Комитета распространялась на Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую губернии и часть Саратовской губернии. Основной причиной столкновений между крестьянами и большевиками были принудительные изъятия хлеба и мобилизации в Красную Армию. Со второй половины 1920 по 1922 гг. на территории европейской России развернулась настоящая крестьянская война. [4]

Еще более мощным было восстание, охватившее Западную Сибирь, Зауралье и территорию современного

[1] Троцкий Л. Терроризм и коммунизм. Петербург 1920. С. 52.
[2] Безелянский Ю. Ангел над бездной. М., 2001. С.453.
[3] Коминтерн и идея мировой революции. Документы. М., 1998. С. 218.
[4] Крестьянство России в Гражданской войне. К вопросу об истоках сталинизма. М., 2009. С. 73, 240.

Казахстана. По числу вооруженных участников (70-100 тыс. чел.) оно было самым крупным в истории Гражданской войны. Продразверстки здесь никогда не было. У крестьян было много оружия, захваченного у белых и колчаковцев, пытавшихся кормиться за счет продовольствия, отобранного у крестьян.

В январе 1921 г. здесь начался вывоз в Центральную Россию крестьянского хлеба. Но большевикам это показалось мало. Они получили распоряжение изъять для вывоза семенной материал. 31 января 1921 г. восстание охватило ряд районов Тюменской губернии. Повстанцы на три недели парализовали движение по Транссибирской магистрали, захватив ряд уездных центров. Они требовали свободы торговли и советов без коммунистов. Против повстанцев были брошены воинские части. Артогнем уничтожались целые деревни вместе с женщинами и детьми. В конце апреля-мая 1921 г. карателям во главе со ставленником Троцкого В. И. Шориным удалось разбить основные отряды крестьян. Но и после этого многие из них, разбившись на мелкие группы, продолжали борьбу. Соотношение потерь большевиков и крестьян составляло 1 к 15.[1]

С особой жестокостью подавлялось антоновское восстание 1922 г. Следуя указанию Ленина «преподать повстанцам незабываемый урок на многие десятилетия вперед», каратели во главе с Тухачевским помимо пушек и пулеметов использовали огнеметы и отравляющие газы, запрещенные международными конвенциями. С лица земли сметались деревни вместе со стриками, женщинами и детьми. Тех, кто сумел уцелеть, без разбора истязали и расстреливали чекисты. Безнаказанное уничтожение крестьян было точным выполнением директив Ленина. С этой точки зрения кровавые деяния Сталина были прямым продолжением его дела.

Для населения России единственной возможностью избавиться от мерзостей большевистского ада было бегство за пределы СССР. Наибольшие масштабы это бегство принимало в тех случаях, когда военные действия разворачивались на территории соседних стран. Так, в частности, случилось в 1920 г. во время войны с Польшей. В борьбе с вторгшимися советскими войсками сражались армии польской и украинской республик, заключивших 21 апреля 1920 г. тайный договор, по которому Польша в границах 1772 г. признавала независимость Украины во главе с Петлюрой.

[1] Гражданская война в России. Энциклопедия катастрофы. М, 2010. С. 335.

Как известно, предпринятая по инициативе Ленина и Троцкого экспансия в Польшу в целях осуществления на ее территории, а затем в Германии «диктатуры большевизма» (термин 2-го конгресса Коминтерна, заявившего, что «диктатура большевизма» утвердится во всем мире) закончилась грандиозным провалом. По мирному договору территориальные границы Польши расширились, советская Россия обязалась уплатить Польше 30 млн. руб. золотом. Украинские части под командованием Петлюры (12 тыс. штыков и шашек) оставалась на территории Польши на положении интернированных. Впоследствии они распылились, каждый выбирал свой путь.

Согласно официальным данным 94800 командиров и красноармейцев пропали без вести и попали в плен. « Эта цифра так велика, - пишут В. Краснов и В. Дайнес, - потому, что военнослужащие старших возрастов отказывались воевать и добровольно сдавались в плен, прочем на Юго-Западном фронте так поступали в основном уроженцы Дона и Кубани».[1] Для них остаться на чужбине был единственный способ избавиться от большевистского ада.

Наоборот, попытки привлечь для работы иностранных рабочих заканчивались скандалами. В частности, приехавшим из Германии безработным выделили лучший бронированный паек – 540 г. хлеба в сутки, гороховый суп, а также на месяц 1640 г. протухшей рыбы и мяса. Немцы не выдержали такого кормления по-русски. Вернувшись на родину, они всем рассказывали о своих злоключениях, пополняя ряды ненавидевших советскую Россию.[2]

Ленин был еще в полном здравии, а борьба за его место под солнцем уже началась. Ее зачинателями были Каменев и Зиновьев, стремившиеся устранить со своего пути Троцкого, с которым сотрудничал Ленин. В декабре 1918 г. «Правда» опубликовала статью, обвинявшую Троцкого в том, что он прикрывает царских генералов и преследует большевиков. Дальше - больше. Посыпались замечания кого снять, кого поставить на его место. Троцкий сразу же подал в отставку из политбюро, комиссариата по военным делам и реввоенсовета. Именно тогда Ленин передал Троцкому пустые бланки приказа со

[1] Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М., 2000. С. 328.
[2] Пестржецкий Д. Рабочий вопрос в советской России... С. 47.

своей подписью под словами: «Я ваши решения одобряю». На верху страницы, он разрешил писать любые решения.[1]

На этом борьба за место преемника не прекратилась. Чтобы оттеснить Троцкого от власти, Каменев советует Ленину назначить Сталина генсеком, наивно полагая, что будущий генсек навсегда будет ему благодарен. Но Ленин отказал, сказав, что «этот повар умеет готовить только острые блюда». Лишь в апреле 1922 г., когда Каменев стал заместителем председателя Совнаркома, Ленин согласился назначить Сталина генеральным секретарем ЦК.

Состоя до этого в числе многих безликих высшего эшелона власти, Сталин в мгновенье ока попал в круг тех, кто пытался возглавить большевистское государство. Этим он немедленно воспользовался, чтобы самому захватить безраздельную власть, расставляя собственных сторонников на ключевых постах и форсируя смерть Ленина.

Уже к осени 1923 г. Сталин, отвечавший за партийные назначения, сменил почти весь аппарат власти.[2] «Даже среди работников аппарата ЦК партии, - указывалось в материалах дискуссии 1923 г., - больше половины (из 146 ответственных работников – 99) работают на этой работе меньше одного года».[3] Зато они во всем поддерживали генерального секретаря.

Но Троцкого это не могло смутить. Он открыто издевался над Сталиным и его присными. Следуя установке Ленина регулярно собирать общие собрания рабочих и крестьян с отчетами на них ответственных работников, Троцкий вместе со своими сторонниками говорил массам о пагубности курса партийной бюрократии, возросшей роли молодежи, необходимости защиты «пролетарской демократии» и учета развивавшегося рынка. «Такие отчеты, - указывал Ленин, - обязательно устраивать не реже раза в месяц с тем, чтобы массам беспартийных рабочих и крестьян была предоставлена возможность критики совучреждений и их работы. Отчеты должны давать не только коммунисты, но и все должностные лица на всех ответственных постах, в первую очередь продовольственных и совнархозных учреждений». 4 мая 1921 г. ЦК РКП(б) утвердил проект письма с поправками Ленина, а 7 мая он был опубликован в газете «Правда» № 97 как «циркуляр всем

[1] Дойчер Исаак. Троцкий. Вооруженный пророк. 1879-1921. М., 2006. С. 440.

[2] Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 93.

[3] Дискуссия 1923 г. Материалы и Документы. М., 1927. С. 86.

губкомам, укомам, коммунистическим фракциям и профсоюзам».[1]

Наступило двоевластие. Троцкий заявлял, что он представляет ленинскую фракцию в рядах сбившейся с курса большевистской партии. Для этого использовалась газета «В пути», громадные армейские издательства, а после изгнания - «Бюллетень оппозиции». Его бесчисленные публикации доказывали, что он лучше Сталина умеет по-ленински решать партийные задачи.

На стороне Сталина были решения X съезда партии о необходимости стального единства и железной дисциплины большевиков. Опираясь на эти решения, он обвинял Троцкого в том, что его публикации разлагают режим пролетарской диктатуры в сторону уступок буржуазной демократии, сплачивают все некоммунистические антипролетарские уклоны, подменяют ленинизм троцкизмом.

Когда Ленин заговорил о смещении генерального секретаря, Сталин начал распространять слухи о притворной болезни Троцкого, об ущербе, причиненном им здоровью Ленина и т. д. В борьбе за власть каждый из них старался как можно больше опорочить своего соперника.

При этом у Сталина было важное преимущество: в его распоряжении находилось ГПУ. Как только Ленин предложил освободить Сталина от должности генерального секретаря, он заимел в его лице смертельного врага. Подвергавшегося изоляции Ленина силой заставляли пить лекарства, изготовленные «фармацевтом» Ягодой.

По приказанию Сталина Ленина систематически доводили до беспомощного состояния до тех пор, пока он не умер. Для этого не обязательно требовались специальные яды. Достаточно было, например, менять дозы предписанных врачами лекарств. О том, что Сталин отравил Ленина, писал и Троцкий в статье за 10 дней до своей смерти. В итоге Ленин жал, что посеял. Решение всех проблем с глазу на глаз без публичной борьбы мнений вело, говоря словами Р. Люксембург, «к одичанию общественной жизни», чем воспользовался его палач. Что касается вопроса, чем отравили Ленина, то его не трудно решить анализом веществ в его волосах. Но пока сделать такой анализ никто не решается. А зря!

[1] Ленин В. И. Т. 43. С. 523-254.

Как известно, благодаря сталинским интригам Троцкий не присутствовал на похоронах Ленина. Однако зыбкая независимость соперничавших сторон уже начала постепенно перерастать в новую стадию – стадию обвинений Троцкого в партийно-государственных преступлениях. Первоначально это было почти незаметно. На стенах исчезали лозунги «Ленин и Троцкий – вожди октябрьской революции». Затем последовало постепенное изгнание его и его ближайших сотрудников из Реввоенсовета республики.

Решением ЦК в 1924 г. была создана специальная военная комиссия под председательством С. И. Гусева для устранения недостатков в организации Краской Армии. В феврале того же года несговорчивого начальника политуправления В.А. Антонова-Овсеенко сменил сталинский ставленник А. С. Бубнов. В марте заместителем Троцкого был назначен Фрунзе взамен уволенного в отставку Склянского. В апреле Фрунзе по совместительству становится начальником штаба РККА, уполномоченным наркомата по военным и морским делам СССР и начальником Военной Академии. В январе 1925 г. он был назначен председателем Реввоенсовета СССР и наркомом по военным и морским делам, а в феврале 1925 г. - членом Совета труда и обороны. Во главе важнейшего военного округа вместо уволенного Н. И. Муралова был поставлен преданный Сталину Ворошилов, после чего и начался стремительный взлет его карьеры. С ноября 1925 г. по июнь 1934 г. он – нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета СССР, в 1934-1940 нарком обороны СССР. Им же была опубликована юбилейная статья «Сталин и Красная армия», в которой доказывалось, что Сталин, был главным организатором побед в гражданской войне.

Но обвинения Троцкого в прегрешениях против революции не прекратились. На пленуме ЦК РКП(б) 17-21 января 1925 г. Троцкого освобождают от работы в Реввоенсовете СССР, в программы политпреподавания вводятся разъяснения мелкобуржуазного характера троцкизма. Дальше – больше. На объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Троцкий и его приверженцы были исключены из состава ЦК. А 10 февраля 1929 г. он сам, его жена и сын вместе с громадным архивом, включавшим ленинские документы, под надзором ГПУ были высланы за пределы СССР.

Установки Троцкого, в сущности, не отличались от сталинских, но его популярность в армии и партийном аппарате была настолько велика, что Сталин не мог с этим не считаться. Немедленно уничтожить Троцкого он пока не мог. В ответ на

появление «Бюллетеня оппозиции» советские газеты запестрели сообщениями о том, что «Троцкий продался мировой буржуазии и готовит заговор против Советского Союза».[1] Вскоре он был лишен советского гражданства и права возвращения в Россию. По этому поводу «Правда» опубликовала указ от 20-го февраля 1932 г. с обвинением его в «контрреволюционной деятельности». В ответ на это за рубежом возникли комитеты «Помощи Троцкому».

Не забывал Сталин и о сторонниках Троцкого на территории СССР. До 1931 г. «Бюллетень оппозиции» свободно распространялся в Москве. Возвращавшиеся из-за границы нелегально провозили номера бюллетеней, передавая их своим друзьям. После 1931 г. обладатели «Бюллетеня» становились преступниками. Их истязали в тюрьмах, ссылали в безлюдные районы и расстреливали. В связи с этим появились каявшиеся в троцкистских прегрешениях. Их заставляли заполнять анкету ЦКК ВКП(б). В анкете помимо прочего следовало указать, когда и где примкнул к организации троцкистов последнего времени (1925-1929 гг.), какую работу выполнял, с кем и когда, остались ли разногласия с партией, сохранились ли какие-либо архивы и фракционные документы, а также отношение оппозиционеров к капитулянту. Фактически такая анкета обязывала заполняющего стать информатором ЧК. Согласно одному докладу, в местах ссылки и тюрьмах оставались не более одной тысячи чел., в то время как капитулянтов было несколько тысяч. Однако, несмотря на цензуру и подслушивание, Троцкий все еще получал много нелегальной почты от ссыльных и сидевших в тюрьмах.

Уже в начале 30 гг. четко определилось непримиримое противостояние Сталина - лидера большевизма у власти и Троцкого - лидера большевизма в оппозиции. Его следствием стал неизбежный террор, уничтожавший троцкистов. Большинство участников XVII съезда (съезда «победителей» - съезда «расстрелянных», смотря как считать!) было казнено.[2] Остальные были истреблены в концлагерях. Своим клевретам Сталин грозил: «Если Троцкий вернется, он вас всех перестреляет». «Троцкизм, - добавлял он, - это острие контрреволюционной буржуазии, ведущей войну против коммунизма... Вот почему либерализм по

---

[1] Дойчер Исаак. Троцкий. Изгнанный пророк. 1929-1940. М., 2006. С. 18.

[2] По данным Дойчера Исаака. Троцкий изгнанный пророк ... С. 185. По данным Сталина на съезде только с решающим голосом присутствовало 1225 чел. «История ВКП (б). Краткий курс. С. 305. По нашему мнению, Дойчеру стоит верить.

отношению к нему граничит с преступлением и предательством рабочего класса».[1]

Следуя Ленину, Сталин на деле доказал, что статистические выкладки, коли нужно, могут быть бесконечно далеки от истины. Основной его принцип – не важно, что считать, важно как считать - срабатывал безукоризненно.

Для уничтожения троцкистов анкета кающихся была дополнена новым перечнем:

- враги народа;
- имевшие связь с врагами народа;
- скрывавшие участие в оппозиции;
- имевшие антипартийные поступки;
- потерявшие бдительность;
- выходцы из чужой и враждебной среды;
- осужденные за уголовные и другие преступления;
- нарушители партийной и государственной дисциплины;
- обвиненные в национализме и антисемитизме.

Перечень позволял Сталину уничтожать всех, кого заблагорассудится. Его победа была предопределена. Отныне он безоговорочно возглавлял большевистскую партию. В 1937 г. из партии было исключено 108495 чел., в 1938 г. – 80847, в 1939 г. – 23585.[2] Под этот молох попал и Троцкий со своей многочисленной семьей.

Противопоставить Сталину Троцкий ничего не мог. И устно и в печати он постоянно восхвалял сталинский режим, доказывая, что только он сам способен улучшить его показатели, если ему позволят использовать рыночные связи. Его заявления, что «никто из нас не может быть правым против своей партии, партия в последнем счете всегда права»[3], только подтверждали правоту Сталина. Принадлежащие Троцкому высказывания о том, что социал-демократия союзница фашизма, что парламентская демократия отжила свой век, что предстоит война Англии с Америкой и другие нелепицы задолго до его смерти стали основой политики его соперника. Подоплекой непримиримой вражды между Сталиным и Троцким были не идейные соображения, а

[1] Дойчер Исаак. Троцкий. Изгнанный пророк... С. 182, 185.
[2] ГРАСПИ. Ф. 17 Опись 7. Дело 309. Л. 10-11, 16.
[3] Медведев Рой Политические портреты. М., 2008. С. 244.

стремление возглавить большевистскую партию. Оба стоили друг друга.

После разгрома троцкистов слово Сталина стало обязательным законом для всех. В детских садах ребята хором декламировали «Наши первые слова – Сталин, Родина, Москва»![1] На собраниях при упоминании имени Сталина было принято всем вставать и участвовать в дружных овациях. Не аплодировавшие (если не были провокаторами КГБ) считались контрреволюционерами.

К началу 30-х гг. нэп с его неразвитыми рыночными отношениями уже успел бесславно закончить свое существование. Взлелеянный Сталиным и его подручными режим военного коммунизма не выдержал бездны товарных противоречий. Крестьяне отказывались продавать хлеб по чрезвычайно низким ценам. Посевы пшеницы и ржи, определявшие нищенский уровень зарплаты рабочих, сокращались. Зато расширялось производство технических культур и продукции животноводства, росли промыслы, компенсировавшие сокращение денежных поступлений от продажи зерновых.

Как указывал замнаркома земледелия Свидерский, «большую часть своей продукции крестьяне обязаны продавать по цене меньшей сравнительно с довоенной ценой и меньше, чем та цена, которая стоит на сельских рынках при продаже в розницу».[2] В связи с этим товарность зернового производства резко упала. В 1909-1913 гг. она равнялась 25,6%, в 1923-1926 гг. – 13,2%, в 1926-1927 гг. – 13,3%.[3]

Стремясь избежать продажи ржи и пшеницы по официальным скупочным ценам, крестьяне сбывали ее частным скупщикам, платившим им намного больше. Об этом свидетельствуют индексы розничных цен по секторам торговли с октября 1927 г. по январь 1931 г. (1931 г. = 100): в 1927 г. в государственной торговле индекс ровнялся 183, в 1930 г. – 206; в частной и базарной торговле в 1927 г. он был равен 226, в 1930 г. – 1263.[4] При таком разрыве цен государственная торговля в деревне не могла конкурировать с частной.

[1] Шаламов В. Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М., 2004. С.518.
[2] Всероссийский съезд советов. Стенографический отчет. М., 1925. С. 180.
[3] См. Иванов Ю. М. Капитализм на Востоке во второй половине XX века. М., 1995. С. 375.
[4] Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 119.

Кризис внеэкономического изъятия властями крестьянской продукции усугубил промышленный кризис. Тяжелая промышленность ориентировалась на производство оружия, снабжение армии и обслуживание железных дорог, оставаясь вне сферы рыночных отношений. Что касается легкой промышленности, то она была не в состоянии обеспечить рынок своими товарами. По сравнению с довоенным уровнем ее выпуск резко сократился. «Продукция, приходящаяся в1925/1926 г. на душу населения, в процентах к довоенным показателям составляла: по хлопчатобумажным тканям 63,1%, по кожизделиям – 57,6%, по сахару – 82,9%, по соли 93,3%, по стеклу – 57,5%, по керосину - 73,2%, по спичкам – 100%.[1]

Важно и то, что большая часть дефицитных товаров оседала в городе. «Нажим города, - говорил Рыков, - на товарный рынок очень силен: можно оставить без ситца уезд, губернию или даже две губернии в Сибири, но оставить без ситца Ленинград, как каждому известно, невозможно».[2]

В итоге деревне доставались жалкие крохи. Об этом свидетельствует, например, выступление представителя Курской губернии Сизова на сессии ВЦИК. «В сентябре 1925 г., - говорил он, - у нас было такое удовлетворение потребностей: по ситцу и хлопчатобумажным товарам всего на 3%, по железоскобяным – 20%, по стеклу – на 10% и т. д.».[3] Не имея возможности покупать, деревня отказывалась продавать зерно по заниженным ценам. Аналогичная ситуация сложилась и в других губерниях большевистской России.

Непреодолимые противоречия между промышленностью и сельским хозяйством еще больше усугубил финансовый кризис. В стране стихийно возникло два вида денег: одни для города, другие для деревни. Производство в городах субсидировалось за счет госбюджета золотыми червонцами. Деревня после сбора урожая, когда уплачивались налоги и другие поборы, расплачивалась деньгами, которые потом уничтожались.

Под напором порожденных рынком противоречий рушилась система неограниченной власти Сталина и его

[1] Милютин В. О болезнях нашего хозяйственного роста//Вопросы хозяйственной политики (диспропорции в народном хозяйстве СССР, товарный голод, проблемы цен и товарооборота). Курск, 1926. С. 55.

[2] Там же. С. 16-17.

[3] Всероссийский центральный исполнительный комитет XII созыва. Вторая сессия. Стенографический отчет. М., 1925. С. 466.

подручных. Чтобы их преодолеть, требовалось полностью ликвидировать рыночные связи, сделав принуждение единственной формой отношения большевиков с населением страны. Сталин вместе со своими ближайшими подручными Молотовым, Микояном и Кубяком показали пример как надо это делать.

С 18 января по 4 февраля 1928 г. Сталин был в Сибири, сопровождаемый вооруженными до зубов чекистами и милиционерами. Его «подвиги» подробно описала Е. Осокина – одна из немногих, пытавшихся разобраться в том, как обращались в то время с врагами народа, отказывавшимися за бесценок отдавать хлеб.

«Заклейменным врагам советской власти, - пишет она – вводилось множество запретов. Так, запрет на воду означал посты у колодцев, которые определяли, кому давать воду, а кому нет. Бойкот на здравствование означал запрет здороваться с бойкотируемыми. Бойкот на курение запрещал давать закурить или прикуривать. Бойкот на огонь запрещал затапливать печь, а если хозяин ослушивался, то приходили и заливали ее. Бойкот на свет – забивали окна, чтобы в избе было темно. Запрещалось ходить к бойкотируемым в гости, а, если нужно по делу, брали понятых. О бойкоте предупреждал плакат на воротах: «Не ходи ко мне – я враг советской власти». В случае исчезновения плаката бойкотируемого штрафовали, и поэтому его семья беспрерывно дежурила у ворот, чтобы плакат не стащили. Был также запрет на посещение общественных мест: гнали из больницы, из сельсовета, детей бойкотируемых исключали из школы. А то и вообще семье бойкотируемых запрещали выходить за ограду дома. Мазали ворота и окна дегтем».

Вот еще пример изуверства, творившегося в деревнях. Создатели назвали его «заготовка оркестром и фотографом». «Зажимщика хлеба» сначала водили по деревням для показа, затем собирали собрание сельчан. Всех зажимщиков сажали на высокую скамью и вызывали по одиночке в президиум, где задавали только один вопрос: «Везешь хлеб или нет»? Если отвечал «да», то ему играли туш, фотографировали и записывали на Красную доску. Если «нет», то били в барабаны, не фотографировали и записывали на Черную доску.

Фантазиям истязателей не было границ. В частности, «крестьян, не поддавшихся уговорам сдать хлеб, держали в закрытом помещении по несколько дней (от 2-х до 6-ти суток), бывало, что не давали есть и спать. На время «ударника» запрещалось кому-либо уезжать из села. Массовые многодневные

допросы без сна и пищи дополнялись карнавалами. Вот описание одного из них. Держателей хлеба (46 чел.), из которых большинство были середняки, вызвали в школу и обработали. Затем им вручили черное знамя, на котором было написано «Мы друзья Чемберлена». Когда учитель вручил черное знамя одному из кулаков, тот его ударил ногой, после чего кулака пришлось скрутить, связать ему руки назад, остальные добровольно, без всякого нажима взяли после этого знамя. Тогда они выстроили этот карнавал с черным знаменем по улице. Сзади шли деревенские активисты и беднота с красным знаменем. Кругом бегали детишки и улюлюкали».[1]

Но это было только начало. Уже в начале 30-х гг. внеэкономические отношения стали единственными по всей стране. Чтобы колхозник трудился задаром, его лишили паспорта. То же самое происходило в городе, где зимой 1933 г. прописка закрепила рабочих и служащих за предприятиями подобно станкам. И в городе, и деревне нарушители паспортного режима подлежали отправке в концлагеря и спецпоселения, где трудились враги народа.

Концлагеря и спецпоселения не были сталинским изобретением. В сущности это были организации военного коммунизма эпохи гражданской войны. Но теперь в отличие от прошлого истребление врагов народа происходило намного быстрее. Ему не препятствовало белое движение, под крылом которого укрывались недовольные властью большевиков. Если в годы Ленина в концлагерях насчитывалось 240 тыс. чел., то теперь их стало намного больше. На 1-е января число заключенных Гулага в 1934 г. составляло 510 тыс. чел., в 1935 г.725 тыс., в 1936 г. 839 тыс., в 1937 г. 820 тыс. чел.[2] Из-за высокой смертности контингент в течение года постоянно обновлялся.

За десятилетие между переписями 1926 и 1937 г., пишет В. Б. Жеромская, избыточная смертность населения в РСФСР (без Казахстана и Киргизии) в 30-е годы составила около 3,7 млн. чел. Сказались людские потери, вызванные голодом, переселением раскулаченных, массовыми репрессиями, высокой смертностью в местах заключения. В росте смертности взрослого населения в городах большую роль играл производственный травматизм и

---

[1] Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1998. С. 63.

[2] Ирошников П. М., Ваксер А. З. Россия в XX веке. Народ, власть, войны революция и общество. СПБ., 2005. С. 315.

ухудшение экологической обстановки. В течение ряда лет прирост населения был низким, а в 1933 г. – отрицательным: смертность превышала рождаемость.[1] Только по официальным данным в 1937-1938 гг. в год расстреливалось 340846 чел.[2] За период с 1913 г. по 1937 г. избыточная смертность населения Украины составила 6812 тыс. чел.[3] Вместе с избыточной смертностью в РСФСР ее показатель превысил 10 млн. чел., что совпадает с оценками многих исследователей

1929 г. страна встретила огромными очередями за хлебом, разгромом хлебных будок, драками и давками в очередях. По сводкам ОГПУ, «хлеб получали с боем». В стране возродилась карточная система. 6 декабря 1928 г. политбюро разрешило советам крупных промышленных центров ввести карточки на хлеб. 14 февраля 1929 г. эта система стала всесоюзной. Хлеб выдавался только тем, кто имел работу. Остальные обрекались на голодную смерть. Кроме хлебной пайки рабочий практически ничего не мог приобрести из-за постоянного падения зарплаты.

В начале 30-х гг. колхозники могли потреблять лишь то, что производилось на приусадебных участках. Постановлением совнаркома от 16 октября 1931 г. «О мерах об отмене зерновых фондов в колхозах» все зерно, включая семена, подлежало сдаче государству. Начался голод. В 1932 г. был опубликован закон о «5-ти колосках», по которому расхищение общественной собственности каралось лишением свободы до 10 лет или смертной казнью. В связи с этим суды оказались загруженными, как юристы цинично тогда говорили, делами «парикмахеров» - голодных колхозников и их детей. Вся их вина заключалась в том, что они срывали колоски на колхозных полях. Как писал журнал «Советская юстиция», по закону об охране общественной собственности осуждали на 10 лет за кражу нескольких огурцов, килограмма хлеба, пары яиц, кочана капусты. Только за неполных 5 месяцев по этому закону было осуждено около 55 тыс. чел., из них свыше 2 тыс. было приговорено к расстрелу.[4] В 1932-1933 г. погибло 6 млн. чел., были случаи людоедства и трупоедства.

---

[1] Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930 –е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 218.

[2] Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 335.

[3] Бутай Н. Ф. Народы Украины в «особой папке Сталина» М., 2006. С. 3-4.

[4] «Советская юстиция. 1934. № 2.

Вслед за голодным 1933 г. наступил 1937 г., когда в «пищу пошли суррогаты: в муку добавляли головки от льносемян, жмых, дуранду, толченую лебеду, желуди, траву. Ели кошек собак, трупы павших больных животных. Люди нищенствовали, пухли от голода, умирали». Как говорили рабочие: «Мы сидим без хлеба голодные, а управители наши сыты. Этих управителей теперь развелось, как вшей на загашнике – все они сидят на наших шеях и пьют рабочую кровь».[1]

В декабре 1939 г. вновь наступил голод. В магазинах исчезли хлеб и мука. Избегая зарубежной критики бедственного состояния населения, Сталин запрещал вводить карточную систему. Между тем, снабжение хлебом становилось все хуже и хуже. В декабре 1940 г. политбюро запретило продажу муки, а затем печеного хлеба в сельских районах. В канун 1941-го военного года нарком внутторга Любимов поставил перед СНК вопрос о введении карточной системы на хлеб. Он просил узаконить то, что фактически уже существовало в стране.[2] Многочисленные письма, поступавшие во внутторг, свидетельствовали о свирепствовавшем голоде.

К началу второй мировой войны людские ресурсы России настолько сократились, что появились первые признаки надвигающегося кризиса системы принудительного труда, приспособленной к постоянному уничтожению врагов народа. Прогульщиков, как правило, перестали угонять в концентрационные лагеря. В июне 1940 г. появился указ президиума верховного совета СССР о переходе в городах на 8-ми часовой рабочий день и семидневную рабочую неделю. По этому указу за прогул и самовольное прекращение работы виновные присуждались к принудительным работам либо тюремному заключению на срок от 2-х до 4-х месяцев. Только за полгода 1940 г. к принудительным работам приговорили почти 1,8 млн. чел. и 322 тыс. чел. к тюремному заключению. Одновременно резко сократился приток колхозников в города. Деревня сама испытывала недостаток рабочих рук.

Чтобы пополнить дефицит рабочей силы, к труду стали шире привлекать женщин. Для доказательства отсутствия «ущерба» при выполнении тяжелых физических работ срочно пересматривались медицинские противопоказания. «В число «вредных работ», - писал журнал «Большевик», вошел ряд профессий, специфическая вредность которых для женского

[1] Осокина Е. За фасадом «сталинского изобилия»... С.215.

[2] Там же.

организма не установлена. Эти профессии были включены в список по традициям, перешедшим от старых гигиенистов – меньшевиков и меньшевиствующих».[1]

В русле этой кампании в ответ на запрос наркомата труда РСФСР Северо-Кавказский институт экономики, организации и оздоровления труда наркомата труда РСФСР, Макеевский институт техники безопасности горных пород, Уральский институт наркомата труда РСФСР и Московский институт имени Обуха «пришли к единодушному мнению, что в каменноугольной промышленности возможно значительное применение женского труда. В том числе и на ряде подземных работ без какого-либо вреда для женского организма». Институт им. Обуха и Северо-Кавказский институт экономики заявляли, что «недостаточный свет и пыль не могут быть противопоказанием для женского труда. Северо-Кавказский институт экономики отмечал, что «женщины на подземных работах болеют меньше, чем занятые на поверхности».[2] За жалкую пайку хлеба для себя и своих детей женщины трудились, не считаясь с собственным здоровьем.

Дефицит продовольствия и рабочей силы грозил смести всю систему подневольного труда. Чтобы ее спасти, требовался дополнительный источник того и другого. Таким источником могла стать только оккупация территории соседних государств. Последовавший захват соседних территорий с населением свыше 19 млн. чел. вновь в изобилии оживил приток врагов народа в концлагеря и спецпоселения. Территории захватывались совместно с фашистской Германией. Сам их оккупировать Сталин не мог.

Приспособленная к подавлению антибольшевистских восстаний и волнений, его армия оставалась такой же, как и в годы гражданской войны. Ее боевая численность - 1 млн. 540 тыс. чел. в 1920 г. в 1939 г. не изменилась. Она равнялась 1 млн. 520 тыс. чел. Изменилось лишь руководство. Во главе ее теперь стояли бывшие командиры первой конной – Сталин, Ворошилов, Буденный, Кулик, Мехлис, Шапошников и Щаденко, наделавшие немало ляпов на полях сражений во время гражданской войны и в последующие годы. Армия располагала лишь двумя родами войск - пехотой и кавалерией с жалкими вкраплениями устаревшей техники. Соперничать с механизированными армиями ведущих мировых держав она не могла.

[1] Серебренников Г. П. Женский труд в СССР. М.-Л. 1934. С. 204.

[2] Там же. С. 206.

Ее главным оружием были модернизированная «трехлинейка» образца 1891 г. вместе с изобретенной еще батькой Махно тачанкой с пулеметом «максим». Радиосвязь отсутствовала. Ее заменяла проводная связь. Недостаток оружия, как и в годы гражданской войны, был невосполнимым. «В 1941 г., - пишет М. И. Семиряга, - на тысячу чел. личного состава действующей армии приходилось винтовок – всего 463, орудий и минометов - 7,8, танков – 0,4 и самолетов 0,7 .[1]

. На XVIII съезде ВКП(б) Ворошилов завил, что Красная Армия «лучше, чем какая-либо другая армия, является «технически вооруженной и прекрасно обученной армией». По его словам, весь минутный залп советской артиллерии равнялся – 78932 кг (Франции – 60981 кг, Германии – 59509 кг). «Огневая мощь, - говорил нарком, - не отстает, а несколько опережает в огневой мощи армии капиталистических государств». На деле при таком залпе повторилась бы плачевная картина времен гражданской войны, когда на Совете труда и обороны главком говорил: «при решительных действиях на фронтах в нашем распоряжении может не оказаться ни одного патрона».[2] Замену в армии лошади на машину Ворошилов считал «вредительской теорией».[3] В конюшнях висели лозунги: «Конь не мотор, он требует ухода».

Подневольный труд, несмотря на жесточайшие репрессии и расстрелы, всегда порождает отвращение, желание работать как можно меньше. По оценке В. М. Курдова, прирост производительности труда в народном хозяйстве СССР в 1928-1950 гг. равнялся всего 34,4% или 1,4% в год.[4] В конце 20-х гг. затраты на военное производство составляли 9-10% годового дохода, к концу 30-х гг. около 30%.[5] Но результаты были плачевны.

---

[1] Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 454-455.

[2] Цит. по: Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 19.

[3] История России с древнейших времен до конца XX в. М., 200. С. 475.

[4] Кудров В. М. Об альтернативных оценках производительности труда в СССР//Экономическая история. Ежегодник. 2003. М., 2004. С. 63.

[5] Мухин М. Ю. Реформы управления военной промышленностью СССР и темпы роста производства в 1936-1941 гг.//Экономическая история... С. 144.

«К 1938 г., - пишет Н. Симонов, - образцы бронетанковой техники, серийно выпускавшейся в СССР в 1928-1935 гг., практически выработали свой ресурс... Запчасти отсутствовали, ремонт производился путем разукомплектования одних танков для восстановления других. Танки просто валялись на территориях воинских частей с неисправными двигателями и трансмиссией».[1] Наши самолеты были хуже зарубежных. Подавляющее их большинство были полотняными, либо фанерными, лишенными брони. За исключением несерийных, экспериментальных образцов они уступали европейским. По данным политбюро от 9 апреля 1941 г. в авариях и катастрофах ежегодно разбивались 600-900 самолетов.[2]

В 1937-1940 гг., когда в Европе уже бушевала вторая мировая война, - пишет Дж. Боффа, - «в СССР выпуск металлургической продукции сохранялся почти на одном и том же уровне, а в 1939 г. даже уменьшился. Производство цемента, необходимого для возведения на границе намеченных оборонительных сооружений, претерпело сокращение».[3] Зато развал оборонной промышленности давал возможность выявлять врагов народа, обвинявшихся во вредительстве, шпионаже, связях с иностранными разведками.

При такой плачевной оснащенности Красная Армия не могла расширить границы сталинской империи. Ее единственным союзником в Европе была Германия, генералы которой мечтали о восстановлении довоенных границ страны и избавлении от выплат ежегодных репараций. Военный союз между руководством Красной армии и руководством Рейхсвера начал складываться еще при Ленине. Ленин полагал: 1) Во всем мире ширится такое же большевистское движение, какое зародилось в России. 2) Реакционные империалистические войны за передел мира неизбежны. 3) В Европе система международных отношений сложилась таким образом, что Германия будет неизбежно бороться за восстановление своего былого могущества.[4]

---

[1] Симонов Н. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920-1950-годы. Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1966. С. 102.

[2] 1941 год. В двух книгах. М., 1998. Книга первая. С. 54.

[3] Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1 От революции до второй мировой воны. Ленин и Сталин. 1917-1941. М., 1990. С. 563.

[4] Ленин В. И. Политический отчет центрального комитета РКП(б) 27 марта; Лучше меньше, да лучше

Еще до Рапалло осенью 1921 г. Красин начал вести переговоры с немецкими предпринимателями об организации в России военной промышленности для снабжения Рейхсвера вооружением, запрещенным в Версале. Рапалльский договор 1922 г. придал этим переговорам юридическую силу. РСФСР и Германия взаимно отказались от возмещения военных расходов, а также военных и невоенных убытков. По письму Л.Красина от 27 мая 1922 г. была создана «особая группа», изучавшая возможности сотрудничества Рейхсвера с РККА. О том, как в 20-х гг. развивались отношения между ними, свидетельствует докладная записка начальника IV управления Я.Берзина (Кьюзиса).

Если по договорам 1923 г. немецкие военные безуспешно пытались поставлять в Россию авиацию и иприт (им препятствовали социал-демократы), то, начиная с 1925 г., комсостав обеих стран добивался создания единых оперативных планов. С этой целью проводились совместные маневры, осуществлялись полевые поездки, читались академические курсы. С этой же целью по инициативе Сталина в России ставились совместные опыты по созданию отравляющих веществ (предприятие «Томка»); была организована совместная танковая школа в Казани («Кама»), а также авиационная школа в Липецке («Липецк»). Против Польши велась совместная разведка. Комсостав Красной Армии изучал польский язык.

Итогом совместного сотрудничества стала подготовка к грядущей войне высшего командного состава Германии: Моделя, Горна, Крузе, Браухича, Кейтля, Манштейна, Кремера, Гудериана и других. Здесь же боевую подготовку прошли 120-130 летчиков, ставших позднее асами немецкого воздушного флота.

По указанию Сталина немецких социал-демократов, препятствовавших советско-германскому военному сотрудничеству, клеймили социал-фашистами. Их причисляли к главным врагам утверждения на германской земле власти большевиков. Наиболее злобные заявления в адрес социал-демократов по распоряжению Сталина формулировал Д. Мануильский. В его докладе в июле 1929 г. под названием «Международное положение и задачи Коммунистического Интернационала. К X Пленуму Исполкома Коминтерна» подчеркивалось, что « грядущая борьба будет кровавыми боями не только с буржуазией, но и с социал-демократией... Для этого

необходимо, - призывал он, - переходить в самое бешеное наступление против нее».[1]

Прошло несколько лет. Гитлер рвался к власти. Коминтерн его намерения одобрял, считая, что тем самым ускорится большевистский переворот в Германии.[2] В августе 1931 г. по настоянию ИККИ (вопреки установке Тельмана) немецкая компартия поддержала затеянный фашистами референдум с целью отстранения от власти прусского правительства, которое возглавлял лидер социал-демократической партии Германии О. Бауер. Как известно, этот референдум стал одним из ключевых на пути прихода к власти Гитлера, добивавшегося сотрудничества со Сталиным. 28 апреля 1933 г. Гитлер в беседе с советским полпредом Л. Хинчуком заявил, что «обе страны могут дополнять друг друга и оказывать взаимные услуги. Падение национал-социалистического правительства для Германии явилось бы такой же катастрофой, как падение советской власти для России».[3]. В подобном «дополнении» не было ничего противоестественного. И Гитлер, и Сталин олицетворяли чаяния деклассированных. Первый - чаяния деклассированных в городах, второй – в деревнях.

Для большевиков главным было навязать соседним странам советскую систему принудительного труда с ее голодом и нищетой, гнусными истязаниями и расстрелами. Сталин спал и видел себя во главе европейского союза советских республик. Первым объектом экспансии стала многострадальная Польша. На ее разделе настаивали оба диктатора. Итогом стал тайный пакт, подписанный 23 августа 1939 г. Условием подписавшихся сторон было невмешательство в государственные дела друг друга. 31-го августа 1939 г. тайное стало явным. Пакт одновременно ратифицировали Верховный Совет СССР и Рейхстаг Германии.

На следующий день 1-го сентября 1939 г. гитлеровская моторизованная армада без объявления войны вторглась на территорию Польши. Помощь фашистам негласно оказывала радиостанция в Минске, помогая немецким самолетам разрушать польские города. Через неделю польское государство перестало существовать. 18 сентября 1939 г. была опубликована нота правительства СССР. В ней сообщалось, что «Советское

---

[1] См. Доклад Мануильского Д. ГРАСПИ. Ф. 495. Оп. 168. Д. 19. Л. 8, 16, 23.

[2] Коминтерн против фашизма и войны... М., 1999. С. 118.

[3] Кремлев С. Россия и Германия. Путь к пакту. Коридоры раздора и пакт надежды. М., 2004. С. 13.

правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ перейти границу и взять под защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии (названия территории Польши, отошедшие к СССР)».[1]

Начался внезапный бескровный марш почти полумиллионной Красной Армии. Ее людские потери составили всего 144 чел.[2] Еще до капитуляции Варшавы в Гродно, Бресте, Пинске и в ряде других городов состоялись совместные парады фашистских и советских войск, демонстрировавшие миру единство сталинского и гитлеровского правительств. В частности, в Бресте парад принимали генерал Х. В. Гудериан и комбриг С. М. Кривошеин. На основе распоряжения советского правительства в соответствие с договоренностью с германскими фашистами были оккупированы Прибалтика, а также Бессарабия и Северная Буковина.

Германия присвоила себе Западную Польшу вместе с Варшавой. Согласно замыслам Гитлера Западную Польшу должны были заселить немцы. Выступая 22 августа 1939 г., он заявил: «Я приказал им – отрядам Мертвая голова – убивать без милосердия и жалости мужчин, женщин и детей польского происхождения. Польша обезлюдеет и будет колонизована немцами».[3]

Аналогичную задачу колонизации решал Сталин. С приходом Красной армии началось уничтожение и изгнание поляков. В 1940 г. изгнание производилось 3 раза: в феврале, апреле и июне. Кроме того, было проведено принудительное отселение в административном порядке польских граждан, проживавших на территории 800 метровой пограничной полосы. Отселялось 356,5 тыс. хозяйств.

Поляки вывозились в советские концлагеря вместе с членами их семей. Членами семьи считались жена, дети, родители, братья и сестры в том случае, если они проживали вместе с семьей арестованного или военнопленного. По данным ЦА ФСБ РФ на август 1941 г. «число арестованных, осужденных к заключению в лагерях, высланных военнопленных и интернированных польских граждан составляло 391, тыс. чел.».[4]

---

[1] Нота правительства СССР//Известия 18 сентября 1939 г.
[2] Гриф секретности снят... С. 86-87.
[3] Великие. Третий рейх. Тайны, загадки, секреты. М., 2005. С. 280.
[4] Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. Варшава-Москва, 2003. С. 26.

Террор не сломил поляков. В борьбе за независимость своей родины они беспощадно уничтожали сталинских и гитлеровских оккупантов. В ходе этой борьбы погибло 6028 тыс. польских патриотов или, иначе говоря, здесь ежедневно погибало 2900 чел.[1] В отличие от остальных оккупированных немцами государств Польша была единственной страной, где не было формирований местного населения, участвовавших в карательных акциях гитлеровцев, (в СССР в таких акциях участвовало от 700 тыс. до 1 млн. чел. в составе Русской освободительной армии (РОА))[2]. Именно в Польше раньше, чем в других странах, впервые возникло партизанское движение на оккупированных фашистами территориях.

Через ее территорию, которую сами гитлеровцы называли «мостом на Восток», осуществлялось 80% все перевозок, из них две трети железными дорогами, которые разрушались польскими партизанами. Ими было уничтожено 700 паровозов, 200 тыс. вагонов, взорвано 100 мостов и виадуков. За 6 лет было уничтожено 150 тыс. (равнозначно 10 дивизий) оккупантов. В разные годы гитлеровцы вынуждены были держать в Польше от 400 тыс. до одного млн. солдат и полицейских. Иначе говоря, от 40 до 100 дивизий не могли участвовать в сражениях на Восточном фронте. Бойцы Армии Людовой, Армии Крайовой, Батальонов Хлопских, еврейских отрядов провели около 100 тыс. боевых операций.[3]

Трагично сложилась судьба польских коммунистов. После вторжения советско-фашистских оккупантов они вместе с народом боролись за независимость страны. Советские власти их преследовали как членов «организации, действующей в пользу враждебного государства».[4] Коммунистов арестовывали, пытали, расстреливали, угоняли в российские концлагеря. Позднее в ходе вторичной оккупации Польши войсками Красной Армии они вышли из подполья, чтобы, действуя против своего народа, претворять в жизнь установки сталинских ставленников.

Сложная ситуация сложилась в государствах Прибалтики. Население Эстонии составляло тогда 1,1 млн. чел., Латвии – 2 млн., Литвы – 2,4. млн. чел. До оккупации население республик

---

[1] Семиряга М. И. Коллаборционизм. Природа, типология и проявления в годы второй мировой войны. М., 2000. С. 583.
[2] История России XX века. М., 2003. С. 112.
[3] См. Семиряга М. И. Движение сопротивления. (К 50-летию начала второй мировой войны). М., 1989. С. 25.
[4] ГРАСПИ. Ф. 63. Ед. Хр. 293. Оп. 1. Л. 26.

не знало дефицита потребительских товаров, в изобилии производившихся на их территориях. Не знали они и массовых политических репрессий. В 1940 г. в Латвии было всего 200 политических заключенных, в Эстонии – 100. Печать не знала никаких ограничений.

С приходом советских войск началась унификация жизни Прибалтики с порядками, существовавшими в СССР. Выборочные расстрелы и аресты после вхождения в Советский Союз стали массовыми. Экономическое положение населения резко ухудшилось.

Осенью 1940 г. денежные знаки республик сменил советский рубль. Заработки стали низкими, цены высокими. Одновременно национализировались все частные заведения. Начались забастовки с последовавшими репрессиями против врагов народа. Чуть позже, в начале 1941 г. оккупанты обязали сельское население продавать продукцию ниже ее себестоимости.

Отпор оккупантам нарастал. Прибалты отказывались идти на заклание сталинским палачам. В июне 1940 г были арестованы их признанные лидеры, известные чиновники и офицеры. Многие были казнены, остальные в вагонах для скота угнаны в концлагеря и спецпоселения за пределы республик. Спасаясь от репрессий, мужчины с женщинами и детьми бежали в леса, где их выискивали отряды чекистов, получавшие за это премии и ордена. Арестованные расстреливались либо увозились в российские места заключения. В июне 1941-го года, за неделю до неожиданного для Сталина гитлеровского нападения на СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление о выселении «контрреволюционных элементов».

По указанию Берии, по всем прибалтийским республикам прокатилась волна арестов и депортаций. Все, кто мог, спасаясь от арестов, скрывались в лесах. «В справке органов госбезопасности утверждалось, - пишет М. И. Семиряга, - что всего было переселено 49331 литовец (так на чекистском жаргоне тех лет именовались все народы Прибалтики). Из них прошли переучет в 1948-1949 гг. 44814 чел. Остальные умерли».[1] Только в Эстонии в ночь на 14 июня 1941 г. НКВД депортировало в Сибирь более 10 тыс. чел. 80% из них были старики, женщины и дети.

Скрывавшиеся в лесах эстонцы, латыши, литовцы оказали поддержку гитлеровцам, избавлявших их от большевистских козней. На пути отхода российских войск совершались убийства

[1] Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии... С. 226.

советских оккупантов и диверсии. В первой половине октября на сторону фашистов перешло 2 тыс. эстонцев, более 5 тыс. латышей и свыше 10 тыс. литовцев. На базе созданных ими батальонов возникли легионы СС, проводившие карательные акции против евреев и коммунистов.

В поддержке гитлеровцев они видели залог грядущей независимости своих стран. Иллюзии породило признание фашистами законности партий, запрещенных советскими властями. Но и Гитлер, и Сталин были против независимости балтийских республик. Чтобы сломить сопротивление патриотов, фашисты запретили все антигитлеровские организации, в связи с чем, борцы за национальную независимость, надеясь на помощь Англии, вновь ушли в леса.

Началась, по точному определению М. И. Семиряги, гражданская война между теми, кто добивался национального освобождения своей родины и теми, кто так или иначе поддерживал оккупантов. По данным комиссии 1989 г., созданной при академии наук ЭССР, за время советской оккупации при населении 1,1 млн. чел. Эстония утратила более 200 тыс. чел. Они были казнены, погибли в ходе депортации в российские концлагеря, а также мигрировали в другие страны.

Еще более сложно протекал процесс возрождения украинской государственности. После оккупации Красной Армией Восточной Польши (8 млн. жителей: из них украинцев 4651 тыс., поляков 2430 тыс., евреев 572 тыс.) частные заведения были национализированы, а их владельцы объявлены врагами народа. Во имя «пролетарской морали и социалистического гуманизма» врагов народа расстреливали, выселяли в концлагеря либо в спецпоселения необжитых районов СССР.

«В Восточной Польше, - пишет Р. Такер, - казни начались в первые дни оккупации и продолжались в 1939-1940 гг. В Сибирь было депортировано примерно 1200 тыс. чел. Подсчитано, что к концу лета 1941 г. около четверти депортированных умерли в ссылке и концентрационных лагерях. Подсчитано также, что в июне-июле 1941 г. при эвакуации заключенных из Западной Украины и Западной Белоруссии НКВД расстреляло до 100 тыс. чел».[1]

В Западной Украине еще задолго до вторжения советско-фашистских оккупантов существовала обширная организация украинских националистов (ОУН), стремившаяся создать на

[1] Такер Р. Сталин у власти. История и личность. 1928-1941. М., 1997. С. 556.

территории восточной Польши независимое украинское государство

В Западной Украине проводилась та же политика, что и в Восточной, с террором, голодом, насильственным обрусением и гонением украинского языка. В свою очередь в Польше украинское население также подвергалось национальным преследованиям. В 1933 г. ОУН возглавил Бендера, уничтоживший министра внутренних дел Польши Перецкого – создателя концлагерей для украинцев. В апреле 1941 г. в Кракове нелегально прошел 2-й Большой конгресс ОУН. Помимо решений о демократическом устройстве будущего украинского государства конгресс постановил считать «идеологии фашизма и московского большевизма» чуждыми украинской духовности. Целью своей борьбы ОУН объявил процветание Украины и освобождение «порабощенных Москвой народов».

Как только гитлеровцы, напав на СССР, вступили на территорию Западной Украины, ОУН оказал активную помощь вермахту в расчете на создание собственного государства. Но в планах Гитлера Польша должна была стать частью Германии.

В начале июля 1941 г. за попытки без согласия фашистов сформировать украинское правительство Бендера и его соратники были арестованы. 15 из них расстреляны. Самому Бендере удалось бежать из тюрьмы. В 1941-1944 гг. он был схвачен фашистами и заключен в немецкий концлагерь. Еще до этого сталинскими палачами был убит отец Бендеры, а две его сестры сосланы в Сибирь. В свою очередь гитлеровцы в 1941 г. расстреляли двух его братьев.

К 1942 г. закончился подготовительный период создания нелегальной повстанческой армии (УПА) для вооруженной борьбы с фашистами. Начало года ознаменовалось первыми вооруженными столкновениями с гитлеровцами. Осенью они стали повсеместными. Как и в Прибалтике, украинцы раскололись на два непримиримых лагеря: на тех, кто сражался в рядах СС, уничтожая коммунистов и евреев, и тех, кто поддерживал УПА. По всей Западной Украине полыхала гражданская война. По некоторым оценкам, в сражениях с фашистами и большевиками в течение 12 лет участвовали не менее 700 тыс. чел.[1] Если учитывать, что каждого повстанца и подпольщика кормили и содержали как минимум 4-5 чел., то «общая численность борцов против незваных пришельцев

[1] Ткаченко С. Повстанческая армия: тактика борьбы. Минск, 2000. С. 18.

исчислялась более трех млн. чел. Борьба с фашистами и коммунистами была подлинно всенародной»[1]

В ней участвовали жители не только Западной, но и Восточной Украины. Сражавшимся оказывали поддержку узбеки, грузины, армяне, кубанские казаки, азербайджанцы и др. Выходцы с Востока Украины занимали не только рядовые, но и руководящие посты. В 1944 г. насчитывалось 15 национальных формирований. Австрийцы, бельгийцы, французы, немцы, югославы, евреи и русские своих формирований не создавали. Они входили в отряды по одиночке.[2] Их нельзя путать, как поступают наши мудрецы, с советскими партизанами (250 тыс. чел.) на оккупированной немцами территории РСФСР. 870 тыс. партизан Западной Украины и Западной Белоруссии занимались уничтожением вторгшихся большевистских москалей.[3]

Лишь с конца 1942 г. на Западной Украине появились засланные Москвой партизаны. Как справедливо подчеркивал А. Кузнецов, «священная» война против Гитлера была всего лишь душераздирающей борьбой за право сидеть в своем собственном концлагере, питая надежды расширить его на весь мир».[4] Но сражавшимся украинцам гитлеровские и большевистские концлагеря были одинаково ненавистны. В условиях чудовищного неравенства вооруженных сил УПА лавировала между гитлеровцами и сталинскими партизанами, тактически блокируясь то с теми, то с другими.

После изгнания фашистов УПА возглавила вооруженную борьбу с целью создания независимого украинского государства. В воззвании по поводу капитуляции гитлеровской Германии были четко сформулированы основные задачи повстанческого движения, под которыми готов был подписаться любой украинский патриот. В воззвании говорилось, что украинское освободительное движение направлено как против сталинского режима, так и против гитлеровской новой Европы; движение «выступало за образование Украинского государства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, энкаведистов и партийных паразитов, за ликвидацию большевистских колхозов и немецких общественных хозяйств, за передачу всей земли крестьянам без выкупа, за свободу печати,

[1] Там же.
[2] Там же. С. 43.
[3] См. Партизанское движение по опыту Великой отечественной войны 1941-1945 гг. М., 2001.
[4] См. Кузнецов А. Бабий яр. М., 2005. С. 135.

мысли, веры и мировоззрения, против официальных догм и доктрин». В заключении указывалось, что УПА борется за равенство всех граждан Украины и равноправие всех национальных меньшинств, за их собственную по форме и содержанию национальную культуру.

На территории Восточной Польши борьба украинцев носила вооруженный характер. Возглавлял ее Бендера. В течение многих лет после изгнания фашистов земля горела под ногами большевиков, устанавливавших режим жесточайшего террора. За период с 1944 г. по 1951 г. было депортировано 700 тыс. чел. В 1959 г. Бендера был подло убит чекистским агентом Б. Сташинским. В целом на территории Восточной Польши борьба украинцев за создание собственного государства опережала движение за независимость в Восточной Украине, где возникшее после победы Февральской революции украинское государство было уничтожено большевиками.

В Восточной Украине последняя волна массового протеста против политики большевиков поднялась в 1921 г. когда советские власти объявили об изъятии у населения обручальных колец и нательных крестов, угрожая отрубать пальцы и головы тем, кто откажется выполнить распоряжение. Прибывшая в Варшаву делегация поляков, евреев и украинцев умоляла Пилсудского начать войну с большевиками, но сделать это он не мог.

В военном союзе Сталина с Гитлером армии Германии принадлежала ведущая роль. После уничтожения Польши и передвижки европейских границ СССР от Балтийского до Черного моря Сталин надеялся продолжить совместную агрессивную политику. В связи с этим начались тайные переговоры о вступлении СССР в антикоминтерновский пакт с целью создания советского Восточно-Азиатского пространства. Обещания Гитлера начать войну с Англией отвечали самым сокровенным желаниям Сталина. Он считал, что Англия не сможет посылать свои войска на Восток, куда двинется Красная армия, обеспечивая приход к власти его ставленников, воспитанных Коминтерном.

Громадная историческая заслуга в розыске документов о переговорах по поводу вступления СССР в антикоминтерновский пакт принадлежит Л. Безыменскому. Результаты его поисков были опубликованы еще в 2000 г.[1] Но до сих пор их, как правило, стараются не замечать, делая вид, что таких постыдных переговоров никогда не существовало.

---

[1] Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой М., 2000.

Как известно, 10 ноября 1940 г. Молотов отправился в Берлин в сопровождении 65 ведущих сотрудников министерства иностранных дел и руководителей чекистских служб. При себе он имел записку Сталина, излагавшую план создания Великого советского Восточно-Азиатского пространства, его границ, особенностей государственной структуры и отношений с гитлеровской новой Европой. В записке намечались этапы и сроки осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к пакту; место СССР в этих планах в будущем и в данный момент. В записке указывалось, что в переговорах следует добиваться того, чтобы к сфере интересов СССР были отнесены а) Финляндия; б) Дунай. По расчетам Сталина Красная Армия должна была вступить на территорию Балканских государств.

Относительно Турции Сталин писал Димитрову 25 ноября 1940 г.: «Мы турок выгоним в Азию. Какая это Турция? Там два миллиона грузин, полтора миллиона армян, один миллион курдов и т. д. Турок только 6-7 млн.» Для Японии у Сталина был приготовлен подарок - согласие на включение Индонезии в сферу японского влияния и сохранения за Японией Маньчжоу-го.[1]

13 ноября 1940 г. Риббентроп вручил обласканному в Берлине Молотову «Черновые наброски» будущего соглашения о присоединении СССР к антикоминтерновскому пакту Германии, Италии и Японии. Дальнейшие тайные переговоры в этих набросках должны были быть продолжены в Москве, где Сталин собирался лично подписывать военный союз с фашистскими государствами. Он рассчитывал, что его отношения с Германией, сложившиеся в 1939 г., теперь продолжатся в планетарном масштабе.

Но Гитлер в это время уже тайно планировал нападение на Советский Союз (план «Барбаросса»), заверяя всех, что его первоочередной задачей является война с Англией. Подлинные планы гитлеровцев разоблачали антифашисты. Так, еще в феврале 1941 г. из Берлина поступило сообщение «Альты» (Ильзе Штебе), в котором указывались направления немецких ударов на Советский Союз. Сообщение «Альты» впоследствии подтвердилось донесениями советских разведчиков из многих столиц мира.[2] По некоторым подсчетам советское руководство получило 84 предупреждения о предстоящем нападении Германии.

---

[1] Там же. С. 355.
[2] Россия XX в. Документы. 1941 год. Книга первая. М., 1998. С. 7.

До последнего часа Сталин ждал знака со стороны Гитлера. Вечером 21 июня 1941 г., узнав о перебежчике Лискофе, Сталин реагировал в обычной манере. «А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт»? - спрашивал он наркома обороны С. К. Тимошенко.[1]

Надежды Сталина стать союзником Гитлера в борьбе за раздел мира с треском провалились. Вторжение гитлеровцев для него стало полной неожиданностью. Имея за плечами первоклассную технику и опыт войны, немецкие войска устремились вглубь территории нашей страны. Из 170 дивизий Красной армии, сосредоточенных на Западной границе, 28 советских дивизий были полностью разгромлены, еще 72 потеряли свыше половины личного состава. За 18 дней немцы продвинулись на Восток на 450-600 км, потеряв убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 100 тыс. чел. Иначе говоря, продвигаясь на 4,5-6 метров они теряли одного чел. За один только 1941 г безвозвратные потери Красной Армии (убитые, раненые, попавшие в плен) составили 3 млн. 776 тыс. чел.[2]

Под Вязьмой в окружение попали еще 660 тыс. чел. К концу 1941 г. людские потери составили 90% численности всей предвоенной армии.[3] Падение Москвы казалось неизбежным не только немцам. В Москве паника. 15 октября 1941 г. напуганный Сталин отдал распоряжение Берии установить связь с гитлеровцами с целью заключения сепаратного мира.

Начались мобилизации в Красную Армию. Всего в Красную армию за годы войны было призвано, включая тыловиков, ополченцев, заградотряды и т. д., свыше 35 млн. чел.[4]

Но армия нуждалась не только в людях. Ей требовались современные средства вооружения. Вместе с эвакуированными заводами к месту назначения прибыло всего 30-40% рабочих и служащих. Чтобы восполнить дефицит рабочей силы для них были введены обязательные сверхурочные работы. Для взрослых рабочий день увеличился до 11 часов при шестидневной рабочей неделе. Отпуска отменялись. На производство привлекались

[1] Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза с 1917 г. до наших дней М., 1995. С. 400, 403.
[2] Гриф секретности снят... С.134,143.
[3] История России с древнейших времен до конца XX века. М., 2000. С. 490.
[4] История России. 1900-1945 гг. Книга для учителя 11 класс. М., 2009. С. 354.

конторские служащие, домохозяйки, учащиеся. Самовольный уход с предприятия карался заключением на срок от 5 до 8 лет.[1]

С помощью одних этих мер нельзя было преодолеть недостаток рабочей силы, принудительно выполнявшей преимущественно простейшие операции. Рабочих требовалось значительно больше. Их источником стала деревня. В феврале 1942 г. был издан закон о мобилизации на заводы невоеннообязанных мужчин в возрасте от 16 до 55 лет и женщин от 16 до 45 лет. В результате в селах были мобилизованы 12 млн. женщин и подростков, подлежавших призыву в школы трудовых резервов.[2] Деревня была опустошена: она лишилась рабочей силы вместе с лошадьми и инвентарем, изъятыми для нужд фронта. Обрабатывать общественные поля стало некому. Они зарастали быльем. А ведь именно производство на этих полях сверхдешевого хлеба составляло главный стержень присвоения властями прибавочной стоимости.

Сталинская система внеэкономического принуждения не выдержала испытания войной. Чтобы спасти ее, население обрекалось на страшные муки голода. Согласно постановлению, подписанному Сталиным и Чадаевым, с 21 ноября 1943 г., в городах ввели сниженные в среднем на треть нормы снабжения хлебом. 400 г. хлеба в сутки на взрослого и 300 г. на ребенка - такова была норма в г. Москве. В провинции на 100 г. меньше, как взрослому, так ребенку. Примеси в хлеб ячменя, овса и проса увеличивались от 25 до 40%. Эвакуированным, как взрослым, так и детям норма продажи хлеба была сокращена с 400 до 200 г. в день».[3]

В итоге примерно 1,5 млн. чел. погибли от голода, не считая умерших в лагерях и спецпоселениях. О его трагических последствиях свидетельствовали многочисленные случаи каннибализма в крупных городах. «По донесению Генерального прокурора СССР в СНК СССР (В. Молотову) и ЦК ВКП(б) (Г. Маленкову) факты убийства с целью людоедства были зарегистрированы в Архангельске, Кемерове, Кирове, Молотове, Омске, Свердловске, Чите, Чкалове, Красноярске и др. городах.

[1] Островский В. П. Уткин А. И. История России. XX в. М., 1996. 254.
[2] Соколов А. К. Влияние войны на социально-трудовые отношения на советских предприятиях//Россия в XX в. Война 1941-1945 годов. Современные подходы. М., 2005. С. 27.
[3] Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941-1945 годов//Россия XX в. Война 1941-1945 годов... С. 72-74.

Страшные злодеяния творили люди с помутившимся от голода сознанием и совершенно расстроенной психикой».[1]

В то время как народ вымирал, большевики жили припеваючи. Социальные контрасты во время войны достигли невиданных в прошлом размеров. Откормленные, с иголочки одетые представители властей на фоне мучительно голодающих одетых в последнее отрепье масс вызывали у населения нескрываемую злобу.

Чтобы сбить накал стихийного возмущения, по указанию Сталина, исподтишка во всех бедах стали винить евреев. Генсек не мог не считаться с тем, что на всех континентах в годы 2-ой мировой войны с фашистами сражались 1,5 млн. евреев, из них 600 тыс. в подразделениях армии США и 500 тыс. – в подразделениях Красной Армии.[2] Еще 100-120 тыс. евреев Советского Союза пережили оккупацию в партизанских отрядах, трудовых лагерях, скрываясь в лесах или тайниках, либо выдав себя за арийцев.[3]

Оказавшись в гетто на оккупированной территории СССР, евреи «мужественно сопротивлялись. Игнорируя приказы немцев, они организовывали медицинскую помощь, проводили просветительные и религиозные мероприятия, оказывали социальную поддержку. Действовали синагоги и нелегальным путем доставлялись продукты питания. Женщины продолжали рожать в подпольных родилках. Тайно сохраненные радиоприемники приносили узникам гетто сведения о поражениях гитлеровских войск».[4] Наряду с этим в гетто создавались подпольные группы (Яд Вашем), ставившие целью вооруженную борьбу с гитлеровцами.

«Да здравствует свобода! Да здравствует вооруженное сопротивление. Смерть убийцам!» – говорилось, частности, в

[1] Там же.

[2] См. Маляр И. Еврейский народ в борьбе против нацизма в годы второй мировой войны//Холокост. Сопротивление. Возрождение. Москва-Иерусалим, 2000. С. 9.

[3] Ард И. Катастрофа европейского еврейства. Иерусалим, 1990. С. 35.

[4] Черная книга. О злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в лагерях Польши во время войны 1941-1945 гг. Составлена под редакцией Василия Гроссмана, Ильи Эренбурга. Киев, 1991. С XII. Ее набор был уничтожен в 1948 г.

воззвании 1-го сентября 1943 г. Яд Вашем Вильнюсского гетто.[1] Подобные организации существовали в гетто Минска, Варшавы, Кракова, Каунаса и других больших и малых узилищ нацистов. В условиях свирепого террора, полной изоляции, невозможности связаться с другими гетто создание вооруженных групп требовало огромного мужества, железной воли и незаурядных организаторских способностей.

Из всех стран только большевики не оказывали помощи борьбе евреев против гитлеровцев. «Насколько известно, - обосновано пишет И. Ард, - как со стороны советского правительства, так и со стороны коммунистической партии не было ни одного обращения к подпольным организациям или местному населению оккупированных территорий, призывавшему оказывать помощь советским гражданам - евреям, жертвам фашистской политики тоталитарного уничтожения».[2]

Еврейское антифашистское движение фактически находилось на положении незаконнорожденного дитя, предоставленного самому выживать в условиях поголовного уничтожения евреев гитлеровцами. Еврейских женщин стариков и детей изгоняли из белорусских партизанских отрядов. А генерал Платон на заседании представителей партизанского движения бесстыдно хвалился тем, что в белорусском правительстве нет ни одного еврея.

Гонения на евреев были не в состоянии погасить ненависть населения к властям. В 1947 г. в стране вновь наступил немыслимый голод. Как и в годы «великого перелома» умиравших от голода собирателей колосков приговаривали к лишению свободы, но теперь их не расстреливали. Сроки заключения в концлагерях им продлевали до 25 лет. По данным профессора экономической школы в Москве М. Элмана (Амстердамский университет в Нидерландах) в стране погибло от голода 1-1,5 млн. чел. в условиях, когда находившегося в распоряжении государства продовольствия по ленд-лизу было достаточно, чтобы накормить всех тех, кто умер от голода.[3] Каннибализм вновь стал обычным явлением, имея тенденцию превратиться в устойчивый образ жизни нашего народа.

[1] Уничтожение евреев СССР в годы немецкой оккупации (1941-1944). Сборник документов и материалов. Иерусалим, 1992. С. 373.

[2] Ард И. Нацизм и уничтожение евреев... С. 80.

[3] Элман М. Голод в СССР в 1947 в свете проблемы «доступа к продовольствию».//Экономическая история. Ежегодник. М., 2005. С. 320.

Развал принудительного труда неумолимо нарастал, угрожая смести аппарат власти во главе со Сталиным. В условиях войны спасти его могло лишь дальнейшее сокращение потребления населения. Эталоном стало потребление заключенных концентрационных лагерей. В начале войны их численность сокращалась за счет передаваемых в штрафные батальоны. До конца 1941 г. штрафники составили 420 тыс. чел., а всего за годы войны их было около одного миллиона, что равнялось примерно 20% фронтовиков. Все они были так называемые «бытовики». Политических отправлять на фронт запрещалось.

Лагеря росли за счет множившихся производств и числа обитателей. Источником роста числа заключенных во время войны были самовольно покинувшие работу и прогульщики. Их дела рассматривали не народные суды, а военные трибуналы. Они считались дезертирами трудового фронта и наказывались исправительно-трудовыми работами в концлагерях на срок от 5 до 8 лет. В 1942 г. было осуждено 121 тыс. чел., в 1943 г. – 367 тыс. чел. в 1944 – 276 тыс. чел. В это время в бегах находилось около 200 тыс. дезертиров, оправдывавших свое бегство тем, что дома у них остались старые родители, о которых некому заботиться и обрабатывать огороды.

В ноябре 1942 г. к штрафным санкциям в отношении самовольно покинувших работу и прогульщиков добавилось снижение хлебных норм. В 1942 г. почти на 1,3 млн. работников были наложены штрафы, 297 тыс. чел. наказаны тюремным заключением от двух до четырех месяцев; в 1943 г. соответствующие показатели составили 962 тыс. и 160 тыс. чел.; в 1944 – 893 тыс. и 168 тыс. чел.[1]

Счет погибших от голода и непосильного труда шел на миллионы. «В 1941-1945 гг. в лагерях и колониях согласно ведомственной статистике умерли 1 млн. 5 тыс. заключенных. С 1 июля 1941 г. численность узников в лагерях и колониях уменьшилась с 2,3 млн. до 1,4 млн. Оставшиеся заключенные были больны и истощены. Даже по официальным данным, доля работающих в 1942-1944 гг. снизилась до 60-70%, а количество больных составляло 20%».[2]

Число работоспособных в концлагерях катастрофически уменьшалось, угрожая исчезновением главного заповедника

[1] Соколов А. К. Влияние войны на социально-трудовые отношения... С. 27.

[2] История сталинского ГУЛАГа. Т. 4. С. 31.

подневольного труда. Лишь использование труда плененных фашистов (4,1 млн. чел.) вдохнуло в него новую жизнь.[1] К ним добавились согласившиеся вернуться на родину из Германии 2,5 млн. бывших военнопленных и более 2-х млн. угнанных на работу за границу. К началу 1950 г. численность узников ГУЛАГа достигла рекордного для послевоенного времени уровня – 2,6 млн. чел., в 1952 г. она стабилизировалась на уровне 2,5 млн. Помимо этого в спецпоселениях проживало 2 млн. 820 тыс. поселенцев.

Несмотря на отчаянные усилия, основы безграничной власти Сталина безвозвратно рушились. В концлагерях и на воле одно восстание следовало за другим. В 1946 г. бунты заключенных были на Колыме, в 1947 г. – в Усть-Виме (Коми АССР) и Джезказгане (Караганда), в 1948 г. – в Салехарде, в 1950 г. – в Салехарде и Тайшете, в 1951 г. в Джезказгане (Сахалин), в 1952 г. – в Вожеле (Коми АССР) и Молотове (Красноярский край).

Чтобы отвлечь массы от борьбы против ненавистного принудительного труда, Сталин, следуя заветам Ленина, вновь заговорил о «проклятых еврейских кознях». По его указанию в Москве на заводе его имени (ныне Лихачева) был обнаружен «заговор» - главный конструктор завода Файнциммер вместе с другими работавшими на заводе евреями был обвинен во вредительстве по заданию сионистов и американской разведки. По другому распоряжению Сталина, секретарь МК Хрущев организовал антисемитский погром на 30-м авиационном заводе, где рабочие были недовольны условиями работы. Здесь им раздали дубинки для того, чтобы в конце дня они могли избить своих евреев.[2]

Еще более удобная обстановка для таких гонений сложилась на периферии. Здесь не было иностранцев, предававших их гласности. Так на Украине, где первым секретарем ЦК был Г. Мельник, а председателем Совета министров выдвиженец Хрущева Д. Коротченко, антисемитская политика проводилась открыто. «Газеты пестрели еврейскими фамилиями людей, обвиненных в надуманных ошибках, грехах и преступлениях. Евреев арестовывали, выгоняли с работы, на улицах их подвергали оскорблениям. В Киеве, Харькове и других городах прокатилась волна погромов. Были введены негласные

[1] Сидоров С. Г. Труд военнопленных в СССР. Волгоград, 2001. С. 9.

[2] См. Геллер М., Некрич А. Утопия власти... С. 556-557.

ограничения при приеме евреев на работу и в высшие учебные заведения».[1]

Антисемитская истерия достигла пика 13 января 1953 г., когда в газетах появились сообщения об «убийцах в белых халатах». На всех предприятиях прошли митинги, гневно осуждавшие убийц. Сообщения об этих митингах с принятыми антисемитскими резолюциями заполняли все газеты от «Правды» до стенных листков на предприятиях. Сталин лично разработал сценарий разоблачения «еврейского заговора». О нем подробно рассказали М. Геллер и А Некрич. «Акт первый – осуждение врачей судом и полное ими признание своей вины. Акт второй – смертная казнь через повешение... Акт третий – еврейские погромы по всей стране. Акт четвертый – обращение известных деятелей культуры еврейского происхождения к Сталину с просьбой защитить евреев от погромов, разрешив им покинуть крупные города и приобщиться к земле. Акт пятый – массовая депортация евреев по их «собственной просьбе» в восточные районы страны (где им было уготовлено под защитой чекистов валить лес и строить дороги – Ю. И.)».[2] Указанный сценарий по поручению вождя был подробно изложен в подготовленной книге члена президиума ЦК КПСС Д. Чеснокова. Ее готовый набор к его досаде пришлось рассыпать.

Еврейская карта не была единственной, с помощью которой Сталин пытался упрочить свою рушившуюся престарелую власть. Другой его картой были обвинения в шпионаже и контрреволюционных намерениях членов политбюро, заподозренных им в тайном заговоре с целью его смещения. Молотову приписывался шпионаж в пользу США, Ворошилову - в пользу Англии. КГБ был выведен из подчинения Берии и т. д. В недрах ЦК на них открыто готовился компромат. Создатели компромата, тоже боялись неизбежных для себя роковых последствий как со стороны самого вождя, не любившего оставлять в живых как тех, против кого эти интриги были направлены, так и тех, кто эти интриги творил. На этой почве среди опальных лидеров молчаливо зрел заговор.

Сталин следовал ленинскому завету в любом грязном деле исходить только из целесообразности. Поднаторев в жандармском деле, он сам любил использовать агентов с запятнанным прошлым: В. В.Ульриха, еще до революции следившего за Дзержинским, Н. И. Ежова, погоревшего на «золотишке», С. А.

[1] Там же.
[2] Там же. С. 559.

Агранова убившего Маяковского и др. Таких фигур в его колоде было немало. Если заблагорассудится, Сталин мог любого из них убить. Так, в частности, поплатились жизнью за проявленную к нему преданность Кузнецов с Вознесенским и иже сними. Они стали жертвами интриг Жданова. До сих пор неизвестны многие детали смерти Сталина. Ясно одно: хвалившегося Черчиллю своими злодеяниями убийцу, убил другой известный убийца, Берия, которого вскоре вместе с его подручными расстрелял Хрущев.

К этому времени сталинская система принудительного труда окончательно развалилась, не выдержав последствий победоносного разгрома фашизма. Потери населения оказались невосполнимыми. В разоренной войной деревне число работников сократилась с 35,5 млн. чел. в 1940 г. до 23,9 млн. чел. в 1945. Производить хлеб было некому.

После окончания войны сохранявшаяся система принудительного труда модифицировалась. Для работы на стройках, военных объектах, строительстве дорог и т.п. по заявкам военкоматов и комсомола проводились наборы демобилизованных. Их положение отличалось от положения заключенных. У них был восьмичасовой рабочий день, они получали зарплату, имели семью, но не могли в течение обговоренного срока покидать место работы. Таким образом, непосредственное насилие сталинских лагерей сменилось прикреплением производителя к месту труда. Как и при нэпе, принудительный труд сочетался с денежной зарплатой. Но если раньше работника на рабочем месте удерживала угроза стать заключенным, то теперь - угроза потери жилья.

Труд в лагерях стал невыгодным из-за падения и без того низкой производительности труда и сознательных поломок ограниченно использовавшихся механизмов. К началу 60-х гг. число заключенных стабилизировалось на уровне 900 тыс. чел. против 2,6 млн. чел. в 1952. Из них 300 тыс. были уголовники и рецидивисты.[1] Остальные были осуждены по политическим статьям сталинских времен.

Сохраняла силу 70-я статья уголовного кодекса, согласно которой всякое лицо, ведущее пропаганду против советской власти, а также занимающееся клеветой на государство и

[1] Верт Н. Государство против своего народа. Насилие, репрессии и террор в Советском Союзе// Куртуа С., Верт Н., Панке Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголен Ж. Черная книга коммунизма... С. 214.

общество, могло быть арестовано и отправлено в лагерь на срок от 6 месяцев до 7 лет с последующей ссылкой на срок от 2-х до 5-ти лет. Статью 70-ю дополняла статья 190, устанавливавшая наказание за недоносительство об антисоветских преступлениях. Наказание предусматривало лишение свободы на срок от полгода до трех лет, которое могло быть заменено отправкой на стройки народного хозяйства.

Другим рецидивом сталинской политики была негласная антисемитская кампания. С одобрения Хрущева без сообщений в печати на местах проводились еврейские погромы, создавались препятствия при приеме евреев на работу, ограничивался доступ в высшие учебные заведения и т. д. Неслучайно в Советском Союзе по инициативе большевиков еврейские погромы продолжались в то время, когда в европейских странах преследования евреев считалось тяжким преступлением. По имеющимся у нас, возможно, неполным сведениям последний еврейский погром на территории СССР совершился в 1967 г., когда русские, украинские и молдавские студенты избивали евреев на улицах Тирасполя (Молдавская ССР).[1]

Продолжением сталинского курса явилась также политика Хрущева ставить во главе оккупированных стран своих подручных для использования ресурсов Восточной Европы в целях бесперебойного функционирования системы принудительного труда. Наибольшие трудности в реализации этого замысла сложились в Польше, где борьба с советскими оккупантами продолжалась и после вторжения на ее территорию частей Красной Армии. На ее ход глубокую печать наложило восстание в Варшавском гетто.

В 1941 г. нацисты согнали в варшавское гетто 400 тыс. евреев. Его территория составляла всего 8,5 кв. км: 4 км длина и 2,5 км ширина. В комнатах спали посменно по 30 чел. В 1942 г. гестапо начало истреблять евреев голодом. Была введена дневная норма – 20 грамм хлеба, в месяц – 50 грамм жиров, 100 грамм мармелада. Торговля продовольствием была запрещена. На улицах росли горы трупов. Но евреи не сдавались. После разгрома немцев под Сталинградом в гетто возникла боевая еврейская организация (БЕО) во главе с М. Анелевичем. 19 апреля 1943 г. фашисты попытались вывезти евреев в Освенцим. БЕО подняло восстание, продолжавшееся 56 дней. В борьбе с фашистами вместе с евреями сражались поляки отрядов Армии Людовой, Армии Крайовой и т. д. Но без помощи бездействовавшей в предместьях

[1] «Источник. Документы русской истории». М., 1994. № 3. С. 96-97.

Варшавы Красной Армии (приказание Сталина) восставшие были обречены.

В августе 1944 г. Армия Крайова подняла в Варшаве новое восстание. Сталин вновь все сделал для того, чтобы оно закончилось поражением. Красивейший город был окончательно разрушен. К моменту освобождения его население сократилось с 1,3 млн. чел. в 1939 г. до 162 тыс. чел. в январе 1945 г. Пока в течение 63-х дней гитлеровцы сравнивали Варшаву с землей, Красная армия и Объединение войска польского бездействовали, требуя роспуска Армии Крайовой. Как только восстание Армией Крайовой было подавлено, Сталин отдал приказ овладеть столицей. В феврале 1945 г. на территории Польши были арестованы члены польского правительства, сформированного в Лондоне. В Москве их приговорили к различным срокам тюремного заключения. Командующий Армией Крайовой Л. Окулицкий, будучи абсолютно здоровым, уже в декабре 1946 г. скончался в тюрьме.

Как известно, высокую оценку восстания дал В. Путин, указав, что «восстание, героическая борьба польских патриотов в годы Второй мировой войны стали важным вкладом в нашу общую победу». Но многие специалисты РАН обычно стараются об этом умалчивать, ссылаясь на «поощрение такой трактовки агрессивными кругами Запада».[1]

Борьба за национальную независимость Польши продолжалась и после того, как ставленники большевиков захватили власть. Только во время боев 1945-1948 гг. было убито 8700 поляков, не считая многих тысяч арестованных, подвергшихся пыткам в тюремных камерах.[2]

Спасая советскую систему принудительного труда, ставленники Москвы скупали продовольствие по чрезвычайно низким ценам. Промышленность загружалась производством военной продукции, поставлявшейся в СССР. Так было при Сталине, так было и после его смерти. В странах Восточной Европы, не знавших до этого недостатка потребительских товаров, возник дефицит. На его почве ширилось возмущение масс, способствовавшее углублению кризиса системы принудительного труда в нашей стране.

[1] См. Козырев Г. И. Механизм и способ формирования «враг» и «образ врага»//СОЦИС № 1. 2008. С. 37.

[2] Пачковский А. Бартошек К. Восточная Европа – жертва коммунизма// Черная книга коммунизма... С. 355.

Первые забастовки и демонстрации прошли в Чехословакии в 1948 г., когда Сталин посчитал, что население здесь живет в неподобающем довольстве. Организатором их подавления был президент К. Готвальд. Придя к власти на штыках Москвы, он на деле показал свою преданность Сталину. В связи со снижением жизненного уровня в пятнадцати чешских и моравских городах и трех городах Словакии прошли забастовки и демонстрации. В последние месяцы 1951 г. они повторились вновь: во всех промышленных районах прокатилась волна стачек, заводских собраний протеста и демонстраций (только на улицы Брно вышли от 10 до 30 тыс. чел.). В июне 1953 г. в знак протеста против денежной реформы, снижавшей жизненный уровень, прекратилась работа на многих крупнейших предприятиях. В г. Пльзене манифестации переросли в уличные бои. 472 забастовщика и демонстранта были арестованы.

В ответ на требования КПСС повсеместно снижать заработную плату география протеста расширилась. 16 июня 1953 г. на демонстрацию вышли бастовавшие рабочие Берлина. Для подавления их выступления впервые были использованы советские войска. В итоге 16 демонстрантов были убиты, сотни ранены. 12 тыс. чел. приговорены к различным срокам тюремного заключения.

В июне 1956 г. эстафету подхватила Польша, где забастовали рабочие, обслуживавшие железные дороги. Население приветствовало их одобрительными выкриками «хлеб и свобода». При подавлении забастовки были убиты десятки человек. Чтобы весь мир узнал об этом, перед заводом «Фиат» демонстранты развернули залитый кровью польский флаг. Более того, Варшавский городской комитет компартии распорядился раздать оружие рабочим столицы. Они готовы были оказать сопротивление советским войскам, если бы те вступили в город.

28 июня 1956 г. к ним присоединились бастовавшие рабочие Познани. Они требовали вывода из Польши 6-ти дивизий Красной Армии, поедавших, как они говорили, польский хлеб. Вплоть до утра 30 ноября поляки обстреливали оккупантов с крыш и окон. Прошедшие по всей Польше митинги и демонстрации требовали изгнания из страны советских ставленников.

В ноябре 1956 г. аналогичные события произошли в Венгрии, где рабочие избрали советы, требовавшие убрать советские войска с территории Венгрии, ликвидировать систему поставок сельхозпродуктов по немыслимо низким ценам, сформировать правительство с участием социал-демократов. В

ответ на это советские войска обманным путем вошли в столицу. В течение трех дней население Будапешта вело бои с вооруженными до зубов захватчиками. В провинции сопротивление продолжалось еще две недели. Подавляя восстание, Андропов восстановил неограниченную власть промосковской компартии ценой расстрела трех тыс. чел. и ареста 25 тыс. чел., приговоренных к различным срокам заключения. Многие тысячи венгров бежали за границу.

В августе 1967 г. войсками стран Варшавского договора была задушена «нежная революция» в Чехословакии. Вместе с ее поражением исчезли последние иллюзии возможности добровольного отказа большевистских режимов от запретов свободы слова, стачек и демонстраций. Позднее это же в очередной раз доказала забастовка в Гданьске (Польша), где в декабре 1970 г. бастовали рабочие балтийских портов против повышения цен на продукты первой необходимости. Забастовка была беспощадно подавлена, сотни демонстрантов – убиты и ранены.

Страны Восточной Европы напоминали раскаленный котел, периодически выпускавший пар негодования нищавших масс, перед глазами которых стоял облик процветавшей в условиях рынка Европы. Ее достижения особенно искушали население ГДР. Чтобы прекратить переселение немцев на запад, 13 августа 1961 г. была воздвигнута знаменитая Берлинская стена.

Но никакие стены и препятствия не могли искоренить чаяния населения Восточной Европы избавиться от внеэкономического принуждения. Чтобы успокоить нищавшие массы, правительства скупали продовольствие на внутреннем рынке, продавая затем по заниженным ценам. В условиях недостаточного его поступления внутренние цены все чаще оказывались выше международных, по которым все чаще сельскохозяйственная продукция скупалась за рубежом. Вместе с такими закупками рос дефицит бюджета. Поставлять дешевое зерно СССР Восточная Европа была уже не в состоянии

Но и наша деревня снабжать город дешевым зерном также не могла. Без импорта зерна из-за границы существование советской экономики было невозможно. На выручку пришла проклинаемая большевиками Америка. В 1960 г. импорт из США составил 200 тыс. метрических тонн пшеницы, в 1972 г. – 18 млн. метрических тонн, в 1979 г. – 25 млн. метрических тонн, в 1982 г. – 35 млн. метрических тонн. Тонна зерна, закупленного в США,

обходилась нашим властям вдвое дешевле произведенного в СССР.[1]

Одновременно с дефицитом продовольственных товаров рос дефицит промтоваров и услуг. Спрос на жалкий ширпотреб типа телогреек с ватными штанами сменился в городах и поселках спросом на проникавшие из-за границы модные иностранные товары, рассчитанные на быструю смену потребительских предпочтений. Появлению этого спроса способствовал демонстрационный эффект быта директората и примыкавших к нему слоев, привозивших из-за границы вожделенные вещи, либо получавших их в закрытых распределителях.

Еще больше способствовали его возникновению кино и телевидение, демонстрировавшие изобилие советской жизни в период, как утверждали власти, «развернутого строительства коммунизма». Причем «коммунистическому изобилию» постоянно приходилось конкурировать с рядовым изобилием «прогнившего буржуазного Запада». Его показывали советским зрителям в фильмах, импортированных из-за рубежа. Хорошие были фильмы. Их импортом занимался Г.И. Пенов – человек из команды Абакумова.

В наших же фильмах советские рабочие неизменно проживали в отдельных квартирах, были безупречно, по последней моде одеты. Их столы ломились от изысканных яств. Счет деньгам они не знали. Достаточно вспомнить такие фильмы как «Кубанские казаки», «Девушка с характером», «Дело Румянцева» и др. Под влиянием демонстрации изобилия дефицит модных промтоваров все больше выходил за рамки ограниченных возможностей контролируемого большевиками государственного снабжения. Отчасти он восполнялся за счет подделок под него, производившихся в подпольных мастерских под прикрытием коррумпированных властей.

До тех пор, пока рабочие ничего не знали кроме «длинных как сроки» бараков, они мирились со своим скученным существованием в условиях отсутствия элементарных бытовых удобств. Когда же с экранов кино и телевидения, из газет и журналов их убедили в том, в каком достатке призваны жить советские люди в условиях «развернутого строительства коммунизма», их собственная беспросветная жизнь стала невыносимой. На этой почве идеи протеста против обстановки, порожденной подневольным трудом, все более овладевали массами.

---

[1] Геллер М., Некрич А. Утопия власти...С. 719.

В 80-х гг. забастовки прошли в Тольятти, Ярославле, Муроме и других городах, но они были территориально разрозненными и не связанными друг с другом. В отличие от стран Восточной Европы, где возмущения масс политикой властей принимали общенациональный характер, в России такая степень единения была достигнута лишь в дни ликвидации путча в августе 1991 г.

Возросшие потребности не могли удовлетворить жалкие крохи, предлагавшиеся на рынке. Чтобы население с ними мирилось, его пугали угрозой войны. Советские власти для этого балансировали на ее грани. Под предлогом защиты от нападения империалистов проводились испытания ядерных бомб. Строились бомбоубежища, наращивалось производство ракетной техники, танков и других вооружений. Потребление народа падало. Принудительный труд загнивал на корню.

В 1980-1985 гг., по сообщению А. Аганбегяна, рост советской экономики был равен нулю. Позднее начался ее спад. Осенью 1989 г. заместитель премьер-министра, руководитель экономической реформы А. Абалкин признал: «Наше экономическое положение из месяца в месяц продолжает ухудшаться. Итоги первой половины 1990 г. свидетельствуют об усилении экономического кризиса. Национальный доход сократился по сравнению с периодом 1989 г. на 1%, производительность труда на 1,5% и т. д.».[1]

Кухонные посиделки множились. На них обсуждались основные вопросы загнивавшей экономики страны. Чтобы быть в курсе обсуждений, ЧК засылало своих осведомителей. Среди них не самый худший был Юрий Карякин, хвалившийся покровительством члена политбюро, председателя КПК А. Я. Пельше и секретаря московского горкома В. В. Гришина. Ему доверялись деликатные поручения. В частности, он должен был убедить А. Сахарова отказаться от протестных выступлений против использования атомных бомб. А. Сахаров вежливо отказался от его предложения.[2] Лучший друг Ю. Карякина Е. Плимак, написавший вместе с ним не одну страницу белиберды, прославился тем, что, пользуясь своей чекистской неприкосновенностью, вырезал бритвой страницы из редких рукописей, позоря имя выпускника МГУ. Подобных фигур в те времена было немало.

---

[1] Геллер М. Утопия власти. Книга третья... С. 70.

[2] Жаворонков Г. О чем молчал Катынский лес, когда говорил академик Андрей Сахаров. М., 2006. С. 86-87.

Чтобы сбить накал возмущения народных масс, использовались также меры идеологического порядка. В отличие от других народов русским приписывался приоритет уравнительных коммунистических ценностей, «буржуазному Западу» - приоритет неограниченного индивидуального потребления. В СССР среди погрязших в неограниченном потреблении ведущее место занимали евреи. «Антисемитизм в эпоху «перестройки», - пишет М. Геллер, - не только достиг интенсивности, неизвестной в Советском Союзе. Он приобрел новое качество – стал официально признанным политическим течением. До «гласности» антисемитизм жил как бы на двух уровнях: неофициальном бытовом и официальном «академическом». Евреи испытывали различного рода неприятности в квартире, на улице, на работе; одновременно выходили многотысячными тиражами «научные труды», курируемые специальными институтами Академии Наук, занимавшимися организацией борьбы с сионизмом. После 1985 г. эти два потока объединились, появились неформальные объединения «Память». Несколько журналов («Наш современник», «Молодая гвардия» и др.) превратили борьбу с евреями в ось своей публицистики. Для масс проводились митинги, на которых разоблачалась порочная и оккультная деятельность евреев. На телевидении идеологи антисемитизма проводили споры, стараясь доказать кто из них лучше изобразит евреев силой «Зла», всегда вредившей русскому народу».[1]

Задача борьбы с евреями до сих пор не сходит со страниц неонацистских изданий. Главным источником фашизма, - пишет, например, В. В. Лузгин, - является мировой сионизм».[2] Подобные заявления перекликаются с утверждениями Зюганова о том, что в нашей стране проводится «русофобская политика».[3] Неслучайно, его призыв «коммунист, защищай русских» раздавался тогда, когда РНЕ объявило кровавую войну всему нерусскому населению нашей страны. В России на почве ксенофобии тогда было убито 30 чел. и совершено почти 400 нападений. В связи с этим «Правда» на своих страницах бесстыдно писала, что убивающие евреев, африканцев и других – это защитники России, отстаивающие ее достоинство от нападения неполноценных тварей. Этими же

[1] Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. С. 367.
[2] Лузгин В. В. Сионизм как источник фашизма. Казань, 2004. С. 5.
[3] См. «правда» 17-18 апреля 2006.

идеями коммунисты руководствуются и сегодня, о чем свидетельствует их нынешняя программа.[1]

Между тем, чем больше загнивала экономика принудительного труда, тем больше возрастали мучения масс от отсутствия насущных предметов потребления. Те, кто возглавлял большевистское политбюро, были не в состоянии реформировать страну на рыночных началах. Начало реформирования положил внешний фактор. Под его воздействием военный комплекс утратил полезность. В 1989 г. рухнула Берлинская стена, возвестив конец холодной войны. С ее окончанием стали ненужными гонка вооружений и связанные с ней гигантские запасы дорогостоящего оружия.

Уже в 1989 г. началось сокращение государственных военных заказов, что приоткрыло двери для производства продукции, предназначенной для продажи населению. Следствием явился распад СССР, который многие сводят к «бездумным грехам» Беловежской пущи. Между тем ее подлинное значение трудно переоценить. Республики производили главным образом товары для населения. Но их возможности находились в зависимости от военного производства, регулировавшегося из Москвы. С его спадом ослабли экономические скрепы, удерживавшие республики в рамках единого неделимого государства. Одновременно в самих республиках усилилась борьба за независимость и расширение производства потребительских товаров, восполнявших возраставший дефицит.

Уже в 1990 г. вопрос о независимости республик стал ключевым в жизни СССР. Его признаком явилась череда деклараций о государственном суверенитете, застрельщиком которых была Российская Федерация, возглавляемая Б. Ельциным. После принятия 12 июля 1990 г. декларации о государственном суверенитете РСФСР, подобные декларации были приняты Верховными Советами Украины, Белоруссии, Армении, Казахстана, Киргизии, Башкирии, Калмыкии, Чувашии. 21 июля 1990 г. Верховный Совет Латвии объявил декларацию сейма от 21 июля 1940 г. «О вступлении Латвии в состав СССР» не имеющей силы с момента ее принятия.

[1] С. Программа коммунистической партии Российской Федерации (версия 13 съезда). Коммунист № 1. Январь 2009 февраль.

Без обретения республиками суверенитета распад СССР на независимые республики неизбежно пошел бы по югославскому сценарию с длительными этническими и религиозными войнами, сопровождаемыми территориальными претензиями споривших сторон. На территории СССР подобные конфликты в неразвитом виде зарождались в Прибалтике, на Кавказе и взаимоотношениях других республик. Но они так и не вылились в длительные братоубийственные войны. Признание суверенитета снимало основные противоречия.

Кульминацией противостояния сторонников республиканского суверенитета и приверженцев неделимого СССР явился заговор ГКЧП. Заговорщиков возглавляли первые лица союзного государства – вице-президент Г. И. Янаев, премьер-министр В. С. Павлов, министр обороны Д. Т. Язов, министр внутренних дел Д. К. Пуго, министр госбезопасности В. А. Крючков, а также председатель Верховного совета СССР Лукьянов.

Заговорщики утверждали: «Демократы готовят переворот. Демократы – агенты ЦРУ. Америка готовит стратегический план захвата СССР с целью поделить национальные богатства между странами НАТО, уменьшить народонаселение, выкачать недра, оккупировать страну».[1] Среди этих страшилок немалое место занимали утверждения о том, что большинство демократов – явные и тайные продажные евреи. Самого Б. Ельцина обвиняли в том, что он еврей, скрывающий свою подлинную фамилию Елькин.

Основные события разворачивались в Москве. Победителем стал Б. Ельцин, запретивший КПСС и провозгласивший суверенитет России. Без последовавшего парада республиканских суверенитетов сегодня не могут быть поняты те мощные интеграционные процессы, которые теперь происходят на громадных просторах европейско-азиатского пространства.

Спектр глав новых государств был крайне пестрый – от старой партийно-государственной номенклатуры, спешившей избавиться от московской зависимости, до демократов, представлявших интересы прежде всего другого отряда старой номенклатуры – а именно, директоров стоявших на самостоятельном балансе объединений и строек. Директора стремились по собственному разумению распоряжаться своими заведениями, чтобы, присваивая прибыль, свободно привлекать и увольнять работников. Тем самым эпохе государственного

[1] Ельцин Б. Записки президента. М., 1994. С. 80.

принуждения к труду посредством прикрепления работника к рабочему месту наступал конец.

Наиболее последовательно эти интересы директората отстаивал Б. Ельцин, гордившийся тем, что он «не допустил охоты на ведьм». «Мы не допустили революции, - с гордостью говорил он, - мы прошли между Сциллой и Харибдой, избежав революции».[1] Тем самым открылся простор для ломки внеэкономических отношений во имя развития рынка.

Действительно, после прихода Ельцина к власти никакого радикального слома прежней государственной машины не произошло. Большинство перепуганных руководителей неудавшегося путча в конце концов были помилованы и отправлены на покой. Меньшая их часть покончила жизнь самоубийством.

Многие из старой номенклатуры, получив повышение по должности, заполнили вакансии реорганизованного Ельциным государственного аппарата. Последний непосредственно вырастал из старого советского, отторгая тех, кто, утратив свои былые привилегии, был не в состоянии трудиться вне рамок иерархии старых партийных структур. За счет последних пополнялись ряды добивавшихся реставрации завещанных Сталиным порядков.

О связи советской номенклатуры с аппаратом ельцинской власти свидетельствуют данные нижеприведенной таблицы.[2]

	Окружение президента	Лидеры партий	Региональная элита	Правительство	Бизнес-элита
Всего из советской номенклатуры	75,5	57,2	82,3	74,3	61
В том числе:					
Партийной	21,2	65,0	17,8	0	13,1
Комсомольской	0	5,0	1,8	0	37,7
Советской	63,6	25,0	78,6	26,9	3,3
Хозяйственной	9,1	5,0	0	42,3	37,7
Другой	6,1	10,0	0	30,8	8,2

Таблица 1. Советская номенклатура в постсоветской российской элите 1995 г. в %.

[1] Цит. по: Белоцерковский В. Продолжение истории: синтез социализма и капитализма. М., 2002. С. 21.

[2] Вишневский А. Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 219. Таблица составлена О. Крыштановской.

Не вдаваясь в детальный анализ таблицы, отметим лишь несколько наиболее очевидных закономерностей. Во-первых, в окружении президента советская номенклатура состояла в основном из тех, кто в прошлом служил в госаппарате; во-вторых, наибольшую власть она сохраняла в провинции; в-третьих, новые предприниматели были в основном комсомольцами и хозяйственниками, выдвинутыми большевистскими структурами на руководящие посты.

Начальный этап перехода к рынку сказался не столько в том, что производила промышленность, сколько в потребительских предпочтениях населения, которые, имея изобилие денег, не могли их удовлетворить. Заоблачный взлет цен в свою очередь позволял на мизерный капитал сколачивать большие состояния. На ниве торговли росли капиталы Баскина, Ходорковского, Аликперова, в строительстве металлических гаражей – капиталы Гусинского, в деле мытья окон – капиталы группы Альфа и т. д.

В сферу торговли и услуг устремлялись не только бывшие подпольные дельцы и выходцы из номенклатуры, но и рабочие, ставшие лишними на своих замиравших предприятиях. За счет их подключения к рынку промышленность с ее простаивавшими мощностями хоть как-то избавлялась от излишка рабочей силы.

Основным источником восполнения дефицита потребительских товаров в то время была заграница. Отечественное производство не удовлетворяло потребности покупателей. Глубокий его спад был неизбежен. С 1991 г. по 1995 г. выпуск шерстяных тканей сократился с 386 млн. кв. м до 77,2 млн. кв. м, хлопчатобумажных – с 5295 млн. кв. м до 1240 млн. кв. м, льняных тканей с 497 млн. кв. м до 133 млн. кв. м. За эти же годы производство обуви сократилось с 336 млн. пар до 51,6 млн. пар.[1]

Еще больше сократился круг покупателей российской тяжелой промышленности. Ее продукция, предназначенная для военных нужд, оказалась ненужной. Но не это беспокоило директоров, заинтересованных прежде всего в том, чтобы самим распоряжаться корпорациями как своей частной собственностью. Ваучерную приватизацию, которую собиралось проводить правительство Гайдара-Чубайса, они решительно отвергли.

Первоначально по замыслу Чубайса, приватизация должна была осуществляться таким образом, чтобы 25% акций по

[1] Петраков Н. Я. Российская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 253.

номинальной цене получили бы работники корпораций. 5% - директора, а остальные акции пришлись бы на долю сторонних инвесторов. Однако подобная приватизация для директоров была неприемлема. По их инициативе Верховный Совет 11 июня 1992 г. утвердил другой закон о приватизации (Чубайс был вынужден пойти на компромисс), по которому руководители корпораций и их коллективы могли приобретать на ваучеры 51% акций. В итоге директора и их немногочисленные клевреты получили возможность, скупая ваучеры, становиться обладателями контрольных пакетов акций. В соответствии с этим сценарием, в середине 90-х годов было приватизировано девять десятых компаний.

Другим следствием приватизации стала возможность увольнения ненужных сотрудников. На начало января 1992 г. в государственной службе занятости России было зарегистрировано 60 тыс. безработных. Их число продолжало расти. Московская статистическая служба в феврале 1991 г. сообщила, что в Москве в текущем году ожидается 100 тыс. безработных. Внеэкономическое принуждение к труду превратилось для директоров в не нужный анахронизм. В феврале 1993 г. указом Б. Ельцина оно было юридически ликвидировано: ссылки, высылки, условные осуждения с обязательным привлечением к труду были запрещены. Однако юридические предпосылки сами по себе не могли разрушить систему. Развитого рынка наемного труда со свободой смены предприятий еще не было.

Директора были заинтересованы в отсутствии свободного рынка акций. Подавляющее их большинство считали себя сторонниками КПРФ, защищавшей рабочие коллективы. Если на рубеже 80-90-х гг. организованное директорами забастовочное движение было направлено против коммунистических властей, препятствовавших приватизации, то теперь положение изменилось. Директора сами начали инспирировать забастовки и пикетирование с целью получения кредитов, льгот, дотаций и т. п. под лозунгами защиты своих рабочих коллективов.

В частности, общая численность бастующих в ноябре 1993 г. – сентябре 1994 г. в масштабах России была невелика – всего порядка 164 тыс. чел., занятых на пятистах предприятиях, что равнялось примерно работоспособному населению пары среднего размера областных городов. Стачки и пикеты начинались по сигналам руководителей предприятий. Их средняя

продолжительность была всего около 4-х дней.[1] Зато воплей по этому поводу в печати хватало с избытком. Под их аккомпанемент власти предоставляли кредиты и другие льготы, за что получали соответствующую мзду.

Интересы красных директоров, требовавших защиты нужд рабочих коллективов, находились в непримиримом противоречии с теми, кто добивался скорейшего перехода к развитому рынку. В политике эти противоречия фокусировались в противостоянии законодательной и исполнительной власти. Законодательная власть в лице Верховного совета, возглавляемого Хасбулатовым, была оплотом красных директоров, стремившихся сохранить status quo; исполнительная, возглавлявшаяся Б. Ельциным - оплотом тех, кто добивался становления развитого рынка, что неизбежно вело к вынужденным компромиссам. На этой почве нарастали противоречия. Их апогеем стало вооруженное противостояние 1993 г.

Опираясь на поддержку масс, Ельцину удалось подавить мятеж и обрести право издавать законы, минуя парламент. Но одно дело решать проблемы юридически, другое дело - в жизни. Как справедливо говорил Потанин, «ваучерная приватизация проводилась в интересах не инвесторов, а руководителей предприятий. Почти все директора, кто не были круглыми дураками, сохранили полный контроль над всем имуществом корпораций. Это был своеобразный компромисс. Если бы мы не удовлетворили интересы красных директоров, мы не смогли бы осуществить приватизацию. Из-за этого управление акционированными компаниями были крайне неэффективным. Руководители расхищали имущество и были некомпетентны (по меркам развитого рынка- Ю. И.)».[2]

Одно дело распродавать имущество, другое дело его умножать в интересах рынка. В условиях рынка имущество предприятий обесценилось, как и продукция, не имевшая сбыта. В данном случае речь идет о реальных рыночных ценах, а не установленных по желанию администрации. Последние были в

---

[1] См. Кацва А. М., Патрушев С. В. Трудовые коллективы и забастовки. Октябрь 1993 г. – сентябрь 1994 г.//Социальные проблемы. Трудовые конфликты и рабочие организации в СНГ. Россия. Казахстан. Украина. Белоруссия. М., 1994 С. 18.

[2] Цит. по: Brady R. Capitalism. Russian Struggle to Free its Economy. New Haven, 1999/ P. 142.

десятки раз выше платежеспособного спроса потребителя, определявшего их подлинную величину.

Стремясь избавиться от обесценившегося имущества, руководители предприятий уповали на получение бюджетных субсидий. Их использование, как известно, было наиболее характерной чертой рухнувшей системы административного распределения всего и вся. Полученные субсидии, как и остальные денежные средства, можно было, не дожидаясь их инфляционного обесценения, переводить в банки, откуда они всякими правдами и неправдами переправлять в оффшоры, где оседали в иностранных банках на счетах директоров.

Для них крайне важным было максимальное увеличение расходов бюджета. Среди многих мифов, доставшихся от того времени, есть вымысел о гиперинфляции, порожденной политикой правительства Гайдара-Чубайса. В действительности ее виновниками были директора и поддерживавшие их коммунисты. В апреле 1992 г. съезд народных депутатов потребовал предоставить субсидии промышленности и сельскому хозяйству в размере 1,2 триллиона руб., доведя бюджетный дефицит до 23% валового внутреннего продукта. В знак протеста правительство Гайдара объявило об отставке. Отставка не была принята. В качестве компромисса правительство согласилось предоставить субсидии в размере 200 млрд. руб. с расчетом, что бюджетный дефицит составит всего 5% ВВП.

Однако требования увеличения субсидий продолжались. Под давлением Верховного совета Б. Ельцин был вынужден сменить Гайдара на Черномырдина, который в начале 1993 г. санкционировал предоставление директорам субсидий на многие сотни миллиардов рублей больше, чем предлагал Гайдар. В стране началась гиперинфляционная вакханалия. Ежемесячный рост цен достиг почти 30%. Годовые темпы их роста на потребительские товары составили 1354%, на средства производства – 1949%.

От заоблачного взлета цен страдали все, кроме корыстных директоров и коррумпированных чиновников, связи между которыми облегчались тем, что они знали друг друга еще с былых времен, будучи в подавляющем большинстве выдвинутыми на руководящую работу партийными инстанциями. Первые получали дармовые субсидии, вторые – взятки за их предоставление. При этом по сравнению с прошлым размеры взяток многократно возросли вместе с многократно возросшей величиной денежных сумм, перепадавших директорам.

В условиях открытости рынка в отличие от сегодняшнего дня доллар в России стихийно стал единственно твердой мерой стоимости. Евро в качестве международной валюты тогда еще не было. Оборонка исчисляла стоимость распродаваемого имущества в долларах. Использование же производственных мощностей редко превышало 15-20% и в течение ряда лет оставалось на уровне10%.

Важным следствием гиперинфляции был полный развал денежного обращения, вынуждавший все предприятия, начиная с корпораций и кончая государственными структурами, использовать во взаиморасчетах натуральные платежи. Только в октябре 1993 г. взаимная задолженность достигла 28 триллионов рублей, которая преимущественно погашалась натурой. Денежные налоги в бюджет поступали крайне скудно.

Взыскать натуральные долги было невозможно, так как без денежной оценки они не могли стать предметом судебного рассмотрения. Их взимание стало делом частного договора руководителей предприятий, творивших суд и расправу, прибегавших к хищениям конкурентов, неплательщиков, членов их семей, найму заказных убийц и т. д. Для этого создавались собственные службы безопасности с сотрудниками из правоохранительных органов. Криминальный беспредел директоров смыкался с бандитским.

Среди многих указов Ельцина, сохраняющих значение и в наши дни, следует отметить указ № 1 о социальном партнерстве и предотвращении трудовых споров (забастовок) на основе годичных решений трехсторонней комиссии правительства, профсоюзов и предпринимателей. В условиях чудовищной инфляции закон не срабатывал. Теперь же при сократившейся инфляции возможности реального роста заработной платы стали предсказуемыми, а вместе с ними и применение санкций против нарушителей соглашения.

Следствием чудовищной инфляции 90-х годов было страшное обнищание масс. Подсчитано, что в 1994 г. средний российский рабочий производил в промышленности товаров и услуг на сумму $4031 (или $337 в месяц); в сельском хозяйстве – на сумму $1777 [1], ($151 в месяц). Из этих сумм производителям доставались крохи. С 1-го февраля 1993 г. минимальная оплата работников ведущих промышленных предприятий, находившихся на бюджетном финансировании, составляла 2250 руб. или менее

[1] Blasi J. R., Krumova V., Rruse D. Kremlin Capitalism. Privatizing the Russian Economy. Itaca, 1997. P. 24.

пяти долларов при курсе 474 руб. за один доллар.[1] Тем самым чрезвычайно суживался платежный спрос на потребительские товары и личные услуги, высокая величина которого является неотъемлемой предпосылкой существования развитого рынка. Последний душился на корню.

В свою очередь, не имея развитого рынка, отсталая советская промышленность была не в состоянии перестроиться на базе передовых технологий. Они внедряются лишь там, где возможно снижение издержек за счет использования рабочей силы. Когда стоимость рабочей силы низка, ручной труд и отсталые технологии успешно конкурируют с наукоемкими образцами.

К середине 90-х гг. экономика России оказалась в порочном кругу: с одной стороны, ее выживание требовало безмерного государственного субсидирования, порождавшего гиперинфляцию и нищету масс, с другой, - оно же препятствовало подъему производства на базе использования новейших технологий. Субсидирование, гиперинфляция и нищета масс были прямым наследием эпохи централизованного большевистского планирования.

Обычно Ельцину ставят в вину дефолт 1998 г. превративший рубль в реально конвертируемую валюту. Дефолт действительно болезненно сказался на положении народа. Но без него подъем реального сектора экономики вместе с существенным улучшением положения широких масс был бы невозможен.

Всего за одно десятилетие облик страны совершенно изменился. Избавившись от проклятий большевистского прошлого, она превратилась в одного из признанных участников построения нового мирового рынка, чутко реагирующего на спрос платежеспособных покупателей. Громадная историческая заслуга в этом принадлежит Б. Ельцину.

В его лице Россия имела устремленного в рыночное будущее современного руководителя. Строго соблюдая конституцию, он умел решать в официальной и неофициальной обстановке сложнейшие вопросы государственной политики, апробируя свои решения во время встреч с многоликим населением страны. Сегодня этот демократический стиль прочно вошел в нашу жизнь. К нему неуклюже приноровились даже те, кто категорически не согласен с продолжателями дела Ельцина.

[1] См. Ельцин Б. Записки президента...С. 276-277.

Частная собственность и рынок вновь вернули страну к истокам 1917 г., когда ее обладатели пытались обеспечить счастливую жизнь, добиваясь реального равенства всех перед законом. Сегодня основные причины раскола российского общества на зарубежную диаспору и избавившегося от принудительного труда населения России исчезли навсегда. Они обе стали неотделимой частью единого общества россиян - граждан Российской Федерации.

Это не исключает существования тех, кто недоволен такими порядками. Именно о них писал Б. Ельцин в своем дневнике: «Какие великие исторические решения должен был принять съезд сидящий в Белом доме? Быстренько вернуть нашей Родине «былую славу»? Присоединить Крым к России? Объявить Молдавию, Грузию Украину, Среднюю Азию, Прибалтику зоной исконно русских интересов? И сказать, что всех несогласных ждет встреча с русским оружием. И это было бы лишь началом. Куда более «смелые и решительные» ждали своего часа. Люди, которых обуревает жажда глобальной войны с западной цивилизацией. А началась бы эта война с войны внутри России, с местными врагами – кто думает иначе, кто прислуживает ельцинистам».[1]

К «ждущим своего часа» сегодня относятся Зюганов и его сторонники, противопоставляющие русский народ (теперь славян) всем остальным россиянам. Им стоит твердо помнить, что в нашей стране разжигание межнациональной и религиозной розни является тягчайшим уголовным преступлением.

Расово чистых русских, начиная от царей и кончая их подданными, никогда не было, нет и не будет. Их существование не более чем домыслы неорасистов. Спрашивается, кто настоящий русский, Пушкин со своими африканскими корнями или сын солдатки Аракчеев, Лермонтов с шотландскими корнями или Николай-Палкин, поляк Достоевский, Толстой с его немецкими предками или Николай II. Подобный перечень бесконечен. Россия была, есть и еще долго будет многонациональной страной, где критерием принадлежности к россиянам служит только одно - гражданство, а заслуги оцениваются не национальностью, а личным вкладом в благосостояние страны.

Законные преемники Ельцина – Медведев и Путин делают все для того, чтобы в нашей стране процветал гражданский мир. Без него невозможно решение социальных проблем, связанных с подъемом жизненного уровня народа. Они

[1] Там же. С. 390-391.

умеют общаться с массами, находя с их помощью оптимальные решения сложнейших жизненных вопросов.

У нас часто брюзжат, что молодежь не понимает, что и как надо делать, что ей стоит еще многому учиться у находящихся на преждевременной пенсии стариков. Что это не так, доказывают не только акции «идущих вместе», но, и, замечательные репортажи наших телеведущих за рубежом – С. Пашкова, А. Емельяновой, Е. Зориной В. Елманова и многих других. В их репортажах представлен широкий спектр общественного мнения населения зарубежных стран, помогающий находить оптимальные решения важнейших вопросов политики нашей страны.

Кризис давно пройден. Освободившаяся от большевистского кошмара страна стоит на пороге новых замечательных свершений.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

Иванов Юрий Михайлович

ПОЧЕМУ НАША РЕВОЛЮЦИЯ СТАЛА ПРО́КЛЯТОЙ

Компьютерная верстка Ю.М. Иванов

Подписано в печать 20.04.2011 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага офсетная. Печать на ризографе.
Усл. печ. л. 5,25. Тираж 100 экз. Заказ № 25.

Издатель Карпов Е.В.
121357, Москва, ул. Верейская, д. 29.
Тел./факс: 509-73-40

Отпечатано в типографии «Карпова».
121357, Москва, ул. Верейская, д. 29.
Тел. 509-73-40

Для заметок